ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ОЛЕГ СИНИЦЫН
ЗАПРЕТНАЯ
ДВЕРЬ

Олег Геннадьевич Синицын
Запретная дверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161787
Олег Синицын. Запретная дверь: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0011-9

Аннотация

Молодой питерский врач Андрей Ильин обнаруживает, что в сновидениях его пациентов повторяется образ двери с изображением спирали. Он и сам видит ее во снах. Запретную дверь нельзя открыть, куда она ведет – неизвестно…

Внезапная шокирующая катастрофа переворачивает жизнь врача. Теперь Андрей может проникать за пределы снов – в иной мир, где он обладает необычайными способностями. Но для чего? Неужели чтобы спасти в том мире одного-единственного человека?..

Содержание

Часть I 6
Глава первая 6
1 6
2 11
3 14
4 21
5 30
6 38
7 43
8 47
Глава вторая 52
1 52
2 56
3 58
4 61
5 63
6 64
7 68
8 70
9 71
Глава третья 74
1 74
2 76

3 79
Глава четвертая 83
1 83
2 89
3 97
4 99
5 104
6 107
7 111
Глава пятая 114
1 114
2 117
3 122
4 122
5 123
6 125
7 126
8 128
9 130
10 132
11 133
12 139
Глава шестая 142
1 142
Конец ознакомительного фрагмента. 146

Олег Синицын
Запретная дверь

...Миф является потайным ходом, посредством которого неисчерпаемые энергии космоса вливаются в культурные проявления человека. [...] даже обычные сновидения, терзающие нас во время сна, являются прорывающимися наружу проявлениями изначального, волшебного кольца мифа.
Джозеф Кэмпбелл. Герои с тысячью лиц

Сон – заем, сделанный у смерти для поддержания жизни.
Артур Шопенгауэр

Часть I
ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЗДНЫ

Глава первая
ПРИЗЫВ

1

Если бы ему сказали, что сон станет предвестником катастрофы, Андрей отделался бы вежливой улыбкой. Он, конечно, слышал фразу о том, что через сновидения с нами разговаривает Бог, но девять лет клинической практики, полторы сотни пациентов и около тысячи собранных сновидений не позволяли верить в пророческую силу, исходящую из черепной коробки. Доктор Ильин мог объяснить каждый образ, рожденный в грезах, каждому мог дать толкование (за исключением двери, она отдельный разговор). Так что не было в том сновидении ничего необычного... Если не считать того, что все сбылось до последней детали. Он это понял через девять месяцев, когда заново учился ходить, чувствуя тупую, неотпускающую боль в голове.

Ему приснился грязный вокзал под темным небом. Ан-

дрей топтался возле пригородных касс в своем халате врача. В голове засела мысль, что нужно купить билет. Больше всего волновался, что не купит. Тогда его не пустят в поезд, а он должен немедленно уехать из Санкт-Петербурга, бросить работу, родителей, свою девушку – бросить все и бежать. Такой вот психоз.

Мордатая, краснощекая кассирша сказала, что билетов нет. Она смотрела с таким ехидством, что стало ясно – билеты есть, но только для определенных лиц, к которым Андрей не относится. Пришлось ее умолять, даже во сне стало стыдно за то, как он это делал. В итоге кассирша отыскала какой-то рваный билет. Андрей потратил на него почти все деньги.

Перрон был заполнен пассажирами. Все спешили на последний поезд. Тащили за руки детей. Толкали тележки, груженные чемоданами. Катили за собой сумки на колесиках, со стуком подпрыгивающие на разломах асфальта. Глядя на охватившую людей панику, Андрей заволновался. Можно не попасть в вагон даже с дорогущим билетом в кармане.

В толпе он неожиданно наткнулся на Анжелу. Эффектная блондинка бросалась в глаза посреди серой движущейся массы. Вполне естественно, что она оказалась в его сне. Они ужинали сегодня вечером в маленьком кафе, потом Андрей проводил ее до дома, но не остался на ночь. Анжела снова спрашивала, когда они пойдут в ЗАГС, чтобы подать заявление. В ответ он пошутил, и девушка обиделась.

«Хорошо, что я тебя встретил, – сказал он Анжеле из сна. – Мы должны срочно уехать».

Девушка глянула сквозь дымчатые стекла солнцезащитных очков. Как ему показалось, с безразличием.

«Ты опоздал, – ответила она. – Поезд ушел».

Андрей поглядел на билет, чувствуя себя одураченным.

«Мы можем поймать попутку, – пролепетал он без уверенности, – доедем на попутке».

Он усиленно вспоминал, сколько осталось денег – двести, триста рублей? Не хватит на такси, потому что ехать далеко, очень далеко...

«На твоем месте я бы не надеялась уехать», – сказала Анжела.

«Почему?»

«Потому, что ты скоро сдохнешь. – Последнее слово она произнесла с оттяжкой, слово хлестнула плеткой по лицу. – Да-да, Андрюшенька, недолго тебе осталось».

Он смотрел на нее, не веря, что еще несколько часов назад целовал эту девушку на лестничной площадке между вторым и третьим этажом ее дома на улице Некрасова, после чего Анжела сказала, что с нетерпением ждет, когда они сделают шаг. Он ответил, что это будет шаг в омут, в котором утонули многие хорошие люди, и она обиделась. Ну не мог Андрей открыто сказать то, что лежало на сердце.

«Смотри. – Жестокая Анжела из сна указала ему за спину. – Это за тобой!»

Он оглянулся. Небо за вокзалом загородила стена тьмы, от которой расползались веретена смерчей. Тьма поглотила уже весь город, как и многие другие города до этого. Один из смерчей, самый крупный, надвигался на вокзал. От него исходил жуткий звериный вой, топящий человеческие вопли. В верхних пылевых слоях крутились машины, деревья и люди.

При виде тьмы, заполонившей горизонт, Андрея охватил панический ужас. Жизнь закончится прямо сейчас, в тридцать два. Блестящая карьера, женитьба, семья – все, о чем он мечтал, в отношении чего строил планы, ничего этого не будет. Уже никогда не будет! Потому что сегодня наступит конец света...

Повернувшись, чтобы ответить Анжеле, он обнаружил, что остался один. Составы, торопящиеся пассажиры, его невеста – все куда-то исчезли. Он остался один-одинешенек на огромном вокзале!

«Они уехали!» – в отчаянии подумал он.

Смерч тем временем перешагнул через здание вокзала и двинулся по перрону, глотая ограждения, лавки, электрические столбы, тележки для перевозки багажа. С каждой секундой пылевой столб становился ближе и оглушительнее.

Андрей побежал.

Неподалеку от перрона располагалось крепкое здание мастерских, которое могло послужить убежищем. До кирпичной стены он добрался быстрее смерча. Перебирая по ней

руками, дошел до двери и с ужасом понял, что не найдет в ней спасения.

Вход перегораживала не просто дверь – *та самая* дверь!

Загадка его снов.

На первый взгляд в ней не было ничего необычного. Низкая, собранная из толстых, плотно подогнанных досок, с вырезанной в центре спиралью, без ручки. Такая могла преграждать вход в минойский или древнеегипетский храм. Проблема заключалась в том, что каждый раз, когда Андрей пытался открыть ее, он терпел неудачу.

Это была вечно запертая дверь.

Рев бури нарастал. Андрей оглянулся.

Гигантская воронка шла на него, хлеща во все стороны сжатым воздухом, словно бичом. Один из таких ударов пришелся по перрону. Бетонные плиты подпрыгнули, асфальтовое покрытие лопнуло, и вихрь тут же подхватил обломки. Тяжелые маслянисто-черные куски замелькали в воздухе, разгоняясь по немыслимым траекториям. Один из них, самый большой и черный, вырвался из воздушной круговерти и полетел в Андрея. Андрей успел подумать, что такой может зашибить насмерть. Попытался уклониться, но не успел.

Кусок асфальта врезал по голове.

В глазах помутнело. Андрей покачнулся, но не упал. Не было ни боли, ни потери сознания, ни нарушения координации, как это произошло бы в реальности. Только душу прорезал звериный страх.

Андрей снова попытался открыть дверь. Шарахнул по ней плечом, цеплял пальцами за край. Бесполезно. Все равно что двигать скалу.

Бешеная буря уже ревела за спиной, с нарастающей силой толкала в лопатки и затылок. Андрей вдруг осознал, что невозможно скрыться от наступающей тьмы. Если ей захотелось кого-то забрать, она это сделает без сострадания и жалости.

Это была последняя мысль, мелькнувшая в голове. Могучая сила налетела на человека в белом халате, оторвала от земли, бросила в воздух, закружила...

2

Он резко открыл глаза.

Уткнувшись лицом в подушку, Андрей лежал на кровати в своей маленькой квартире на Садовой улице в центре Санкт-Петербурга. Ветерок из распахнутой форточки обдувал лопатки и затылок. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь занавески, наполняли комнату светом. Смяв простыню, он перекатился на спину. Будильник на компьютерном столике показывал почти половину седьмого. До звонка, который должен разбудить кандидата медицинских наук и врача первой категории, оставалось три минуты.

Сон быстро таял, унося страх. Кто-нибудь другой мог сказать: хорошо, что это только сон, но не Андрей Ильин, изу-

чающий ночные символы подсознания, кажется, всю свою жизнь. Он прекрасно знал, что здоровые люди редко видят сны, а если и видят, то быстро забывают. Яркие, драматичные кинофильмы снятся людям озабоченным, неуравновешенным, больным. Таким способом подсознание высвечивает изменения, происходящие в организме. Иногда проблем мы в психике. Иногда зарождающуюся болезнь.

Сев на кровати, он непослушной рукой опустил флажок напрягшегося будильника. Этот старичок имел обыкновение греметь как при пожаре. Вот уже полгода Андрей клялся себе, что в следующую зарплату купит радиоустройство. Однако уже после завтрака клятва забывалась, а дедовский будильник продолжал поднимать его по утрам истошным, нервирующим звоном.

В тумбочке, как назло, не оказалось ни листка, ни даже клочка бумаги, чтобы записать основные образы. Своих пациентов он просит держать рядом с кроватью ручку и тетрадь, а сам как разгильдяй! Только бы не забыть: тревога, опоздание на поезд, буря, удар куском асфальта в правую лобно-теменную область, предательство Анжелы... и, конечно, дверь.

На ватных ногах он доплелся до прихожей. Пока искал блокнот в карманах пиджака, сон окончательно стерся из памяти, оставив легкую беспричинную тревогу, словно дымок от погасшего костра. Единственным сохранившимся воспоминанием было бегство от бури.

Застыв в одних трусах посреди прихожей, Андрей сосредоточенно вывел пером на чистом листе: «Я БЕЖАЛ ОТ БУРИ».

Внимательно перечитал шедевр словесности и скомкал листок.

За окном щебетали птицы, раздавался звон трамвая, шумел транспорт. Живой солнечный свет затопил комнаты. Сложив руки на затылке, он потянулся, хрустнув суставами, зевнул и поплелся в ванную.

Набивая рот зубной пастой, он разглядывал себя в зеркало. Из всего сновидения запомнилась только буря, но как раз ее объяснить несложно. В бурю трансформировался сквозняк из распахнутой форточки – следствие работы сторожевого механизма, доставшегося человеку от первобытных предков. При внешней опасности сон формирует угрожающие видения, заставляя собраться, встрепенуться, открыть глаза. Так хрустнувшая ветка оборачивается падающими деревьями, лай собаки превращается в громоподобный рык, а легкий ветерок – в страшную бурю. Чем ближе опасность, тем сильнее образ, подготавливающий к угрозе. Впрочем, современному человеку по ночам редко угрожают хищники и лесные пожары, максимум – потоп с верхнего этажа и пьяные выкрики за окном. Подобный механизм теперь без надобности... Нет, бурю объяснить проще всего. Гораздо труднее разобраться с остальными образами. Которые он забыл. А они могли означать проблемы.

Андрей поглядел на свое отражение.

– Что у тебя за проблемы? – спросил он.

Отражение не имело понятия.

Проблемы со здоровьем или психикой? Сомнительно. Он каждый день крутил педали велотренажера, дважды в неделю плавал в бассейне, а по воскресеньям играл в футбол за команду неврологов. Он занимался уникальными исследованиями, которые сулили в ближайшем будущем поездку в Париж. Его девушка с нетерпением ждала, когда они подадут заявление в ЗАГС. Он молод, здоров, счастлив, впереди его ждет большая, прекрасная жизнь. А необъяснимую тревогу спровоцировал элементарный сквозняк.

Андрей побрился, приготовил кофе с тостами и сел завтракать возле компьютера, заменявшего ему утреннюю газету. Пробежав глазами по заголовкам новостных агентств, он не стал читать про новый виток напряжения на Ближнем Востоке, пропустил сведения о колебаниях цен на нефть, но тщательно изучил статью о клонировании органов и заметку об открытии новой галактики в созвездии Гончих Псов.

Ровно в половине восьмого, облачившись в костюм и подхватив рыжий кожаный портфель, Андрей Ильин вышел из дома навстречу самому страшному дню своей жизни.

3

В переходе метрополитена он наткнулся на хнычущего

мальчика лет шести, заглядывающего в лица прохожим. Короткий допрос подтвердил догадку: в толчее он оторвался от маминой руки. Зажав портфель под мышкой, Андрей водрузил мальчонку на плечи и поднял над людским потоком. Не прошло десяти секунд, как от турникета к ним ринулась молодая женщина с побелевшим лицом. Подбежав к сыну, первым делом она отвесила ему звонкий шлепок пониже спины, после чего стала горячо благодарить Андрея. Не считая мелкого телесного ущерба, инцидент разрешился благополучно.

От станции метро «Озерки» до областной клинической больницы можно добраться тремя способами: на маршрутке, на трамвае и пешком. В зависимости от обстоятельств Андрей пользовался каждым. Когда спешил, то садился на маршрутку. Когда не очень – на трамвай. А когда вообще не торопился – шел пешком и быстрым шагом доходил за двадцать пять минут. Сегодня, взглянув на часы, он выбрал рельсы.

Трамвайная линия пролегала посередине проспекта Луначарского между встречными автомобильными потоками. Выйдя на своей остановке, он дождался зеленого и перешел дорогу, хотя некоторые торопливые пассажиры перебежали на красный. Довольно глупо с их стороны. В отделение неврологии, где работал Андрей (исследованием сновидений он занимался по совместительству), каждую неделю привозили таких бегунков. На вопрос «зачем?» второе место занимали ответы «спешил, опаздывал». На первом месте царствовало

сакраментальное «долго ждать зеленого».

В холл областной больницы он вошел за двадцать минут до начала рабочего дня. В лифте две незнакомые медсестры обсуждали сон.

– И вдруг вижу, бежит на меня козел! – рассказывала одна. Ноздрю девушки украшала жемчужная застежка, приковавшая взгляд Андрея.

– Козел – это твой Сашка, – со знающим видом отозвалась медсестра-толстушка.

– Как ударит рогами меня в правый бок... – Рассказчица тронула халат, указывая место. – Потом водит ими и щекочет. Я проснулась – вроде смешно, а в то же время и гадко на душе.

Андрей насторожился.

– Это к воссоединению! – заверила толстушка. – Значит, скоро сойдетесь с ним. А рогами щекочет – в постели такое будет вытворять...

– Девушка, послушайте, – не выдержал Андрей, обращаясь к медсестре с пирсингом, – это очень несерьезное толкование сна.

Два удивленных лица повернулись к нему.

– А ты кто такой? – подозрительно поинтересовалась толстушка.

– Я изучаю сновидения и могу точно сказать, что...

– Вот что я могу точно сказать, – перебила его толстушка, положив ему на грудь пухлую ладонь. – Ты, рыбачок, заки-

дывай удочку в другом месте. Здесь рыбки заняты.

Лифт остановился на пятом этаже. Медсестры вышли.

– Девушка, послушайте, – воскликнул Андрей, – сновидение очень нехорошее. У вас, возможно, заболевание печени. Проверьтесь у врача. Или зайдите ко мне на седьмой этаж в неврологию, спросите там Ильина. Подробнее расскажете...

Медсестра с пирсингом оглянулась, но толстушка решительно подтолкнула ее в спину. Двери лифта закрылись, отделив Андрея от медсестер.

В ординаторской оказался лишь Константин Тюрин, невролог по профессии и балагур по состоянию души. Андрей неоднократно слышал, как коллеги клялись купить ружье, чтобы раз и навсегда покончить с его шутками.

Костя застегивал халат.

– Чего-то ты поздно сегодня, Андрюха, – заметил он, отвечая на рукопожатие. – Это ж надо, в кои-то веки пришел раньше тебя! Ты не заболел?

Андрей изобразил улыбку:

– Нет.

Он открыл шкафчик, стянул с плечиков врачебный халат, повесил на них пиджак. Костя в это время перед зеркалом расправлял пятерней редкие волосы.

– Я слышал, у тебя конкуренты появились в науке.

– О чем ты?

– Что, не в курсе? – удивился Костя. Он был серьезен, кажется, не шутил. – Университет создает лабораторию снови-

дений. Я думал, ты в курсе, все-таки крутишься там.

Ноги не удержали Андрея, и он опустился на стул.

В медицинском университете имени Павлова доктор Ильин числился ассистентом на кафедре неврологии, где вел научные исследования сна и сновидений. Именно кафедра стала базой для его кандидатской. Странно, что Андрея даже не поставили в известность.

– Вот-вот, посиди и подумай, – промолвил Костя, налив в чашку вчерашнего чая.

Года три назад они скинулись и купили для ординаторской кофеварку и чайный набор. Чашки специально выбирали кремового цвета, чтобы не сливались с халатами.

Костя отхлебнул из кремовой чашки и поморщился:

– Ты Кофе не принес?

– Нет, – рассеянно ответил Андрей. – Это, наверное, слухи?

– Слухи есть ограниченная информация об истине. – Костя недовольно посмотрел на чашку.

– А какой штат в лаборатории? – спросил Андрей, думая, что мог бы попасть туда. Нужно поговорить с Кривокрасовым, может, посодействует. Пусть у них не совсем гладкие отношения, но у кого в этой галактике гладкие отношения с Кривокрасовым?

– Насчет штата не знаю. Но говорят, все должности уже распределили.

– Я ничего об этом не слышал! – взволнованно произнес

Андрей.

– Ну, видимо, только свои туда попали. – Костя похлопал Андрея по плечу. – Ладно, Андрюх, не расстраивайся. Время придет, сам лабораторию откроешь.

Новость была словно обухом по голове.

– Ты расспроси там своих, может, не все так страшно, – сказал Костя, весело подмигнул напоследок и скрылся за дверью.

Это подмигивание окончательно сбило с толку. Андрей так и не понял, шутил Костя или нет.

О разговоре он не мог забыть ни когда читал журнал дежурной сестры, ни когда начал утренний обход по своим палатам. «Ограниченная информация об истине» сильно встревожила Андрея.

Около половины десятого утра произошла встреча, расстроившая его еще больше. В коридоре отделения он столкнулся с человеком, с которым одновременно хотел и не хотел видеться. Профессор Кривокрасов стал своеобразным толчком для научной карьеры Ильина, однажды поручив ему исследовать сновидения пациентов, принимающих сновидения. Однако общаться со своим благодетелем Андрей предпочитал как можно реже. Характер у Кривокрасова был невыносимым, а манера общения вызывала дрожь у воспитанных людей.

– Где ты бродишь, Ильин! – Все утро тебя ищу!

Андрею показалось, что от громоподобного окрика со-

дрогнулись стены отделения.

Низкий, коренастый и неуклюжий, Кривокрасов напоминал не профессора Первого меда, а слесаря, который пришел в больницу проведать жену, где его заставили сменить спецовку на халат, оказавшийся меньше размера на два.

– Я потерял из-за тебя уйму времени! – продолжил профессор, дико вращая глазами.

– Вы могли позвонить заранее, – резонно заметил Андрей.

– А я звонил. У тебя мобильный был выключен.

Это была неправда. Андрей не выключал мобильный и не видел пропущенных звонков, но не особо удивился. Такой наезд был в духе Анатолия Федоровича.

– Ты мне нужен, – сказал Кривокрасов, взяв Андрея за пуговицу. – Ты мне нужен. В кабинете Перельмана в половине одиннадцатого.

Считая беседу законченной, он развернулся на каблуках, скрипнув линолеумом, и отправился дальше по коридору по каким-то своим делам. Андрей нервно провел ладонью по лицу, пытаясь снять напряжение.

Кривокрасов не занимался исследованием сновидений, хотя считался на кафедре руководителем этой темы. В чем действительно проявлялся его талант, так это в организации разного рода клинических испытаний лекарств (за что он получил прозвище Аптекарь). Однако Анатолий Федорович был не настолько глуп, чтобы не пользоваться благами, которые давала ему работа Андрея. Да, он презирал теорию

сновидений и лично Зигмунда Фрейда, зато с радостью принимал деньги от спонсоров, настойчиво втискивал свое имя над заголовками статей Ильина (естественно, первым) и, конечно, не упускал возможности прокатиться от кафедры по разным конференциям.

Как раз осенью в Париже должна состояться международная конференция по сомнологии, на которую Андрей очень хотел попасть. Они ехали вместе: Ильин будет читать доклад, Кривокрасов – представлять кафедру... Неделя в компании «соавтора» беспокоила Андрея уже сейчас. Скорее всего, их поселят в одном номере, и тогда конференция превратится в каторгу.

Он решил пока об этом не думать. Неизвестно еще, зачем Кривокрасов назначил ему встречу в половине одиннадцатого.

4

Худощавая старушка, бывшая учительница, воспитанная и интеллигентная, сидела в кровати. Из двух подушек, подложенных за спину, одна выделялась искусной вышивкой. Анастасия Кирилловна объяснила, что подушку сшила внучка.

Восемь месяцев назад у бывшей учительницы случился геморрагический инсульт. В правом полушарии лопнул сосуд, в результате чего отказали левая рука, левая нога, на-

рушилась речь. Физиотерапия вернула подвижность левой ноге, ежедневная работа с логопедом восстановила речь. Но рука осталась парализованной.

Выслушав рассказ о самочувствии, Андрей поинтересовался, снилось ли ей что-нибудь сегодня.

– Снилось, Андрей Андреевич, – ответила Анастасия Кирилловна. – Еще как снилось!

Он это видел. На тумбочке возле кровати лежало несколько исписанных листков. Он просил своих пациентов держать неподалеку ручку и тетрадь. При пробуждении многие люди забывают сновидения в течение пяти минут. Поэтому очень важно записать сон сразу, как откроешь глаза.

– Можете рассказать без бумажки? – спросил Андрей.

– Да. Знаете, я стала лучше помнить свои сны.

– Здесь нет ничего необычного. Записывая сновидения, вы тренируете память.

Старушка кивнула.

– Мне снился наш дом. Каким он был до войны. Большой, величественный... Была зима. Я стояла водной кофточке у открытого окна и смотрела на Неву. Моя левая рука работала. Я могла сжать ее в кулак и растопырить пальцы. Я специально пробовала, как вы говорили.

– Правильно, – кивнул Андрей.

– Затем я бродила по дому. Искала спицы для вязания...

– Простите, спицы, которые загибаются на конце?

– Те, что загибаются, называют крючком, – снисходитель-

но объяснила Анастасия Кирилловна. – А спицы – прямые, ими вяжут двумя руками... Так вот, я искала спицы и не могла их найти. Заглядывала в комод, в шкаф. Заглянула к соседям по коммуналке. Но их комната была пуста. Как и десятки других. Во всем доме люди словно вымерли...

Андрей сделал запись в блокноте: «Томография, проверить вероятность нового инсульта».

– Половицы последнего этажа были залиты мазутом. Густым, черным, очень неприятным. Не помню, чтобы мы когда-нибудь топили им печь.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Я поднялась на чердак по ужасной лестнице.

– Чем вам не понравилась лестница?

– Она скрипела и шаталась... – Анастасия Кирилловна немного подумала. – Я боялась, что она в любой момент рухнет подо мной, аж сердце замирало.

Андрей два раза подчеркнул свою запись о том, что нужно сделать томографию.

– Что же было на чердаке?

– Старая мебель. Стопки учебников, журналов по педагогике. Все покрыто пылью. Спиц там тоже не оказалось. – Она вдруг вспомнила. – Да, еще там была дверь...

Он удивленно поднял голову:

– Какая дверь?

– Очень красивая и древняя, с узором лабиринта.

– Куда она вела?

– Я не смогла ее открыть, – сказала старушка извиняясь. – У нее не было ручки.

Андрей вдруг вспомнил. Вспомнил то, что неуловимо беспокоило его с раннего утра, что жужжало надоедливым комаром в глубине сознания. Кроме бури ему приснилась дверь. Похожая на ту, которую описала бывшая учительница. Он не раз слышал о ней от пациентов и сам несколько раз видел в снах. Дверь без ручки со спиральным узором на полотне. За ней скрывалось нечто важное, сокровенное – он не понимал, откуда знает об этом, просто знал, и все. Ни его пациенты, ни сам Андрей еще ни разу не смогли открыть *дверь*.

Он начал листать блокнот, просматривая записи предыдущих снов.

– Доктор, – тихо сказала старушка. Андрей поднял на нее глаза. – Зачем все это?

– Что?

– Отпустите меня домой. Все равно лучше не будет. Вряд ли я превращусь в восемнадцатилетнюю девушку. Руку не вернуть, да и на что она мне, левая? Видать, отжила свое... как и я.

Андрей посмотрел в выцветшие глаза бывшей учительницы.

– Может, вам не нужно лечить свою руку, но это нужно мне. Знаете, мы, карьеристы, готовы вытрясти из пациента всю душу, чтобы получить результат и вскарабкаться на очередную ступеньку. – Она улыбнулась. Андрей продолжил: –

Но я мучаю вас расспросами не из-за руки. Понимаете, сновидение способно на ранней стадии показать самые незначительные изменения в соматике.

– В чем?

– В организме человека. Некоторые образы сновидений предупреждают о начале заболевания. По ним можно определить появление любого недуга, от ангины до опухоли, причем сделать это можно задолго до того, как человек почувствует первую боль. Взять ваш сегодняшний сон. Он повторяется четвертый раз за неделю.

– Это плохо?

– Один из органов болен. И это не парализованная рука. Орган подает сигнал тревоги. Этот сигнал поступает в мозг, где преображается в набор неприятных образов. Если они повторяются каждую ночь, значит, сигналы от пораженного органа идут регулярно. Улавливаете?

– Не очень.

– Ну представьте себя на тропическом курорте в шезлонге перед морем. Неожиданно к вам подбегает абориген, весь такой в клипсах и бусах, и начинает что-то бубнить на своем диалекте, корчить рожи, размахивать руками, тыкать в вас пальцем. Вы считаете себя умнее, а потому не обращаете на него внимания. Но что, если он изо всех сил пытается сообщить о тигре, который вышел из джунглей? Вы не знаете об этом и будете игнорировать аборигена, а он будет тормошить вас снова и снова. Закончится все тем, что вы либо прислу-

шаетесь к призыву, либо явится тигр.

– Все-таки я не очень понимаю, о чем вы говорите, доктор.

– Безлюдное жилище и мазут на полу – признаки общего болезненного состояния. А вот лестница на чердак, которая показалась вам ненадежной, является опасным символом.

– Символом чего?

– Наверное, слышали, что голову иногда называют чердаком? В вашем сновидении это так. Лестница на него – кровеносные сосуды. Если она скрипучая и ненадежная, вас нельзя выписывать. Есть вероятность, что инсульт может повториться...

Старушка посмотрела на него с испугом.

– Не волнуйтесь, Анастасия Кирилловна, если томография подтвердит мои подозрения, мы сделаем все возможное, чтобы не допустить нового кровоизлияния – обещаю вам как истинный карьерист. Поэтому вы отсюда не уйдете, пока в своем сне не отыщете спицы, которыми вяжут двумя руками, пока скрипучая лестница не станет прочной, а дом не наполнится радостными лицами людей...

– Доктор Ильин! – позвал его заглянувший в палату Тюрин.

Андрей извинился перед старушкой и вышел в коридор.

Прислонившись к стене, Костя провожал взглядом зад молодой медсестры, катящей тележку со свежими простынями.

– Ты чего хотел? – спросил Андрей.

– Что?

Медсестра свернула за угол, и Тюрин получил свободу.

– Там тебя к телефону. Девушка какая-то домогается.

– Грязно домогается?

– Грязнее некуда. «Будьте любезны, позовите Андрея Ильина, мою киску». Тьфу!

– Спасибо, Костя.

Андрей быстрым шагом направился в ординаторскую. Звонить могла только Анжела.

В комнате заведующий отделением Михаил Перельман, откинувшись на стуле, потягивал чай, приходя в себя после оперативки у главврача. Они поздоровались. Тюрин вошел следом.

– Вон тебе звонят, – указал Перельман на телефонную трубку, лежащую на столе. Андрей взял ее:

– Алло?

– Андрюша, это я...

Услышав в динамике мелодичный голос Анжелы, Андрей неожиданно вспомнил какую-то обиду, которую девушка нанесла ему недавно. Он попытался вспомнить причину, но не смог.

– Анжела? – Он изобразил легкое удивление. – А мне сказали, Люська звонит.

Она засмеялась.

– Перестань! У тебя никого нет, кроме меня, и быть не может. С твоей-то работой заводить двух подружек?

– Ты права. Две не для меня. Вот три-четыре...

Анжела снова залилась смехом. Андрей представил ее волосы, пахнущие свежестью, и большие волнующие глаза. Еще откуда-то всплыли дымчатые солнцезащитные очки, но он прогнал этот образ. Анжела была настоящей красавицей. Иногда он не понимал, почему она выбрала именно его, обычного врача, разрывающегося между двумя работами. Получив от природы яркую внешность, Анжела могла найти более удачный вариант.

– Андрюша, я насчет вчерашнего разговора. Мы должны сходить.

– В ЗАГС? – уточнил Андрей и пожалел.

Перельман с Тюриным заговорщицки исполнили на губах марш Мендельсона.

– Что там у тебя? – осторожно спросила девушка.

– Так, коллеги забавляются.

При слове «забавляются» Перельман с Тюриным сделали озлобленные лица и изобразили драку. Ординаторскую наполнили каратистские выкрики и звуки ударов. Глядя на них, Андрей не удержался и хихикнул.

– Надеюсь, тебе весело оттого, что мы подадим заявление, – произнесла Анжела обиженно.

– Если честно, я давно собирался это сделать.

– Не боишься?

– Кто, я? Я ничего не боюсь!

– Тогда встречаемся в шесть у памятника Плеханову. Нужно успеть до семи, я хочу еще посмотреть букеты. Пока,

котик!

Из динамика раздались длинные гудки.

– Люблю, – сказал Тюрин, – когда на свадьбе осетрину заливную подают. Не дай бог, осетрины не окажется – всех твоих больных вылечу.

– Иди-иди! – Перельман стал выталкивать Тюрина из ординаторской. – Не мешай человеку сунуть голову в петлю и оттолкнуться от табурета.

Погрузившись в себя, Андрей не заметил, как остался один.

Свадьба... Чересчур громкое слово для него, хотя самое подходящее для Анжелы. Она давно только и говорит о платье, которое будет вот с таким декольте; о том, посадить ли на машину куклу или ограничиться кольцами; кого пригласить, а кого наказать за то, что не пригласил когда-то ее... Андрей в ответ либо шутил, либо отмалчивался. Чего хорошего в одном дне, составленном из заботы, как бы чего не сорвалось? Андрея Ильина больше увлекал поворот, который совершит его жизнь.

Несмотря на плотный график работы, в его жизни ощущался вакуум. Андрей знал причину: ему не хватало семейных отношений. На улице его взгляд притягивали пары с детскими колясками, дети, шагающие в школу с ранцами, шумные семьи, направлявшиеся в парк развлечений или кафе-мороженое... Если Анжела хотела свадьбу, то он хотел семью. Он мечтал о семье. О любящей жене, которая всегда

рядом. О детях, его частице, его кровинушке. Звонок Анжелы приблизил заветную мечту. Андрей ощутил волнующую радость.

...Круглые настенные часы показывали одиннадцать. Он вдруг вспомнил о Кривокрасове, ожидавшем в кабинете Перельмана. Андрей должен был встретиться с ним полчаса назад. Вот почему Миша торчал здесь!

Он пулей вылетел из ординаторской. Ни в этот, ни в какой другой день подать заявление в ЗАГС им с Анжелой было не суждено.

5

Развалившись в кресле заведующего отделением, Кривокрасов нервно дергал рычаг массивной зажигалки на столе Перельмана. Из-под подпрыгивающей крышки черепа вырывалась струя пламени.

– Разрешите, Анатолий Федорович?..

– Где ты шлялся? – Он с трудом сдерживал гнев. – Я потерял из-за тебя все утро. Все утро коту под хвост!

– Простите.

– Что значит – простите? Это не детский сад.

Андрей молча стоял перед профессором, словно нерадивый ученик перед завучем. Что толку оправдываться? Да, опоздал. Но сегодня особенный день... Сказать ему, что они с Анжелой поженятся? А какой смысл? Кривокрасов не пой-

мет этой маленькой радости. Да он Анжелу-то не знает. Его интересует только своя ненаглядная персона.

– Я всегда подозревал, Ильин, – произнес Кривокрасов, – что ты необязательный человек. На тебя нельзя положиться.

«Что он сказал? – поразился Андрей. – Кто необязательный?»

Обвинение было настолько несправедливым, что он потерял дар речи. Как Кривокрасов мог назвать его необязательным! Андрей приходил на работу раньше всех и уходил позже всех. Он сгорал от стыда, если не выполнял поручений, а потому всегда их выполнял. Он никогда не забывал, о чем его просили. Как можно назвать его необязательным!

– Не буду долго предварять, скажу в лоб. Университет собирается открыть лабораторию сновидений.

Вот и подтвердился слух, рассказанный Тюриным. Андрей огорченно сник. От радости после разговора с Анжелой не осталось и следа.

– А как же мы?

– Займемся препаратами от бессонницы.

– Но вы же понимаете, это не моя тема. Я не занимаюсь лекарствами.

– Кто сказал, что ты ими займешься? Твоя должность на кафедре будет сокращена.

Андрея бросило в холод.

Вот так неожиданно он лишился трети своего заработка. Конечно, о том, чтобы забыть о сновидениях, не могло быть

и речи, он продолжит ими заниматься. Просто найдет другую кафедру... Хотя вряд ли кто-то поддержит исследования, для которых создана целая лаборатория. Поездка во Францию, естественно, отменяется. Ха-ха. Анжела уже составила список покупок. Боже, как обидно! Его выкинули на улицу в тот момент, когда создано учреждение, в котором он мог бы добиться успеха. Но путь туда закрыт, туда взяли своих да наших.

Андрей ощутил жестокое разочарование. Девять лет после окончания медуниверситета он упорно трудился. Все свободное время тратил исключительно на работу, стараясь чего-то добиться в этой жизни. Редко встречался с друзьями, не брал отпуска. Он точно не знал, чего добьется – званий, почета или денег, но был уверен в успехе. А еще ему нравилось заниматься сновидениями. Безумно нравилось. Эти исследования он любил, возможно, больше, чем Анжелу. Но за все девять лет в голову даже не приходила мысль, что можно разом лишиться всех перспектив. Что лайнер под названием «Успех» пройдет мимо.

– Руководство университета сочло невозможным продолжение твоей работы на кафедре, – невозмутимо добивал Кривокрасов. – Меня просили поговорить с тобой.

– Чего уж тут говорить! – расстроенно сказал Андрей.

– Тебе предлагают возглавить новую лабораторию.

У Андрея ослабли колени. Он застыл с раскрытым ртом, а ухмыляющийся Аптекарь выбрался из-за стола и стал трясти

его руку, бормоча нечленораздельные поздравления. Какая сволочь. Чуть до инфаркта не довел, а теперь улыбается.

– Лабораторию сновидений? – переспросил Андрей осипшим голосом.

– Университет решил вплотную заняться ими. Отстали мы от американцев и французов, нагонять пора. Лаборатория будет сформирована через шесть месяцев. Средства пойдут частично из бюджета, частично от спонсоров.

– Потрясающе, – ответил Андрей, в голове которого снова и снова повторялось: «Тебе предлагают возглавить новую лабораторию».

Кривокрасов вернулся за стол:

– Теперь поговорим о нашем докладе на конференции во Франции.

Андрей непонимающе посмотрел на профессора.

Он не ослышался? Кривокрасов назвал доклад «нашим»? Если имеется в виду кафедра неврологии, которую они будут представлять на конференции, тогда понятно. Но если...

– О чем будет доклад?

– Я собираюсь написать о спектре исследований, проведенных мной...

Анатолий Ефимович покачал пухлым пальцем:

– Говори правильно. Мы делаем общее дело.

– ...проведенных нашей кафедрой, – выдавил из себя Андрей под удовлетворенный кивок профессора. Неужели через шесть месяцев он отпочкуется от Аптекаря? Не вери-

лось в это счастье. – Тема доклада: «Ранняя диагностика патологических заболеваний по сновидениям». Я начну с исследований профессора Касаткина, подробно объясню, как мы развили его исследования, приведу примеры сновидений, показывающих заболевания на ранней стадии...

– Ранняя диагностика – это на восемьдесят процентов вылеченная болезнь, – влез Кривокрасов. – Не забудь вставить в текст.

– Хорошо. После теоретической части перейду к примерам. По сновидениям мы выявили на ранней стадии ишемию, геморрагические инсульты, аневризмы, опухоли внутренних органов, спинного и головного мозга.

– Все это хорошо, но тему нужно поменять, – сказал Кривокрасов. – Она должна быть броской и запоминающейся.

– Как поменять? – удивился Ильин. – Название точное, это именно то, чем я занимаюсь.

– Но доклад буду читать я.

Оторопевший Андрей уставился на неандертальца за столом Перельмана. Он впервые об этом слышал. Что за новость? Кривокрасов не занимается сновидениями, хотя... На память пришли совместные статьи, имя профессора, стоящее перед его именем. После конференции авторство работ будут связывать с тем ученым, который выступит с докладом. Кривокрасов легко и небрежно водрузил волосатую лапу на исследования Андрея.

– Но мы договаривались, что доклад прочту я, – возразил

он.

– Ты слишком молод. Это международная конференция, для выступления нужен представительный ученый.

– Но это мои исследования!

– Не хочешь лететь во Францию? – невинно поинтересовался профессор.

Андрей промолчал.

– Если не хочешь, тебя заменит Ковальчук. Он не упрямый, как осел, подготовит доклад по другой проблеме, которой занимается кафедра.

Андрей не знал, что делать. Аптекарь безжалостно загнал его в угол.

– Слушай, Ильин... – Кривокрасов решил сменить тактику и улыбнулся, изображая своего парня. У акулы было бы больше шансов. – Ну что ты упрямишься? Через шесть месяцев ты возглавишь лабораторию сновидений и вплотную займешься исследованиями. А пока нужно показать, что наша кафедра не стояла в стороне, а сыграла важную роль в становлении этой перспективной работы... Или боишься, что я не упомяну о тебе в докладе? Неужели ты думаешь, я могу так поступить?

Андрей не думал. Он был уверен, что Кривокрасов так и поступит.

– Я хочу выступить сам, – упрямо произнес Андрей.

Улыбка исчезла с лица профессора. Глаза превратились в щели.

– Ты едешь в Париж, – с расстановкой сказал он. – Будь благодарен.

– Это мои исследования. Я потратил на них девять лет. Вы не имеете права отбирать мои исследования!

Опираясь ладонями на столешницу, Кривокрасов поднялся из кресла.

– Начальником себя ощутил, да? Власть унюхал? Неблагодарный! Я ему карьеру устраиваю... – Он обвел диким взглядом стены кабинета. – За границу с собой беру, а он мне заявляет!

– Вы едете на конференцию только потому, что вовремя втиснули свое имя рядом...

Воздух вокруг Кривокрасова, казалось, задрожал от злости.

– Ты что себе позволяешь, щенок!

Андрей застыл.

Ему тоже захотелось выпустить гнев, откровенно выложить все, что думает о профессоре. К счастью, возобладал разум. Андрей не ввязался в ссору, только побелел лицом.

– Если это все, что вы хотели сказать, – холодно ответил он, – тогда до свидания. Меня ждут больные.

Андрей вышел из кабинета, звучно хлопнув дверью. Уже в коридоре прислонился к стене и провел дрожащей рукой по лбу.

– Потише с дверью, – раздался голос Перельмана. – Месяц, как ремонт закончили. Угробите кабинет.

Заведующий неврологией как раз выходил из процедурной. Под мышкой торчал журнал учета лекарств, весь в закладках.

– Что мне всегда нравилось в ваших отношениях с Кривокрасовым, – сказал он, – так это тонкий дух товарищества и взаимопонимания.

– Мне предложили возглавить научно-исследовательскую лабораторию в университете.

– Я слышал об этом. – Миша пожал ему руку. – Поздравляю. Ты этого заслуживаешь.

– Так неожиданно. Я думал, ее возглавит кто-то из университета.

Перельман не спеша, по-сталински достал из кармана трубку и сдавил зубами мундштук. Он не курил давно, но привычка возиться с трубкой осталась. Взяв Андрея под руку, Миша повел его по коридору прочь от своего кабинета.

– А кто? – спросил он. – Исследование совершенно новое. Нужен ученый, который разбирается в этой области и может набрать подходящую команду. Где взять такого? А вот... – Он указал трубкой в сторону. – На кафедре неврологии чего-то там копаются со сновидениями. Давайте посмотрим... Кривокрасов? Его, кроме испытаний лекарств, ничего не интересует. Да и характер у Аптекаря известен, скверный характер... Ковальчук? Исследование механизмов сна. Уже теплее, но все равно не то. К тому же Дениска теоретик до мозга костей, в книжках копаться ему нет равных, но

в остальном... Остаешься ты. Ты занимаешься именно теми исследованиями, ради которых организуют лабораторию. У тебя огромный практический опыт. Ты кандидат медицинских наук и отличный диагност, пашешь двадцать четыре часа в сутки на протяжении девяти лет. Организаторские способности присутствуют. Чего еще надо?

– Я не уверен, что потяну должность.

– Это хорошо. Значит, будешь преодолевать себя, чтобы не пасть в грязь лицом.

Они дошли до палат. Андрею было нужно к своим пациентам, Перельману к своим.

– У тебя все получится, – произнес Миша. – Единственное, о чем хочу предупредить: остерегайся Кривокрасова. Мы вместе учились, я его прекрасно знаю. Ему по силам испортить тебе жизнь до того, как вы расстанетесь.

6

Экран монитора показывал комнату, погруженную в полумрак. Посреди комнаты стояла кровать, на которой, опутанный датчиками и электродами, спал худой мужчина. Рядом с изображением тянулись кривые физиологических параметров: кардиограмма, биотоки мозга, движение глазных яблок, кислород в крови, сокращение мышц.

– Побежал куда-то твой Константин Петрович, – сказала Ольга Савинская, медсестра при сомнологическом кабинете

отделения функциональной диагностики.

– Побежал, – кивнул Андрей. – Это сновидение повторялось дважды. Он приводит внучку в террариум, расположенный в грязных подвалах. Аквариум питона разбит, а сам питон исчез. Константин Петрович ищет выход, но не может найти. Внучку удается высадить наружу через узкое окошко, но самому в него не пролезть. Он бежит по подвалам, задыхается, чувствует, что питон где-то рядом, ползет за ним в темноте и вот-вот набросится...

– Что тебя настораживает, Андрюша? – спросила Ольга.

– Сон повторяется. Питон все ближе. Не знаю, на что и думать. Болезнь развивается, но что это за болезнь? – Андрей задумчиво поглядел в монитор.

Сомнологический кабинет организовывали своими силами и при активном участии Ильина. Здесь обследовали тех, кто во время сна страдал нарушением дыхания и сердечной деятельности. Когда Андрею требовалось понаблюдать за сновидениями своих пациентов, он договаривался с завотделением, и ему выделяли окно в расписании. Как, например, сегодня.

– Говорят, идешь на повышение?

– И ты знаешь! – Он усмехнулся. – Похоже, меня последнего поставили в известность.

– Уволишься из областной?

Он пожал плечами:

– Пока не знаю.

– Жаль, если уволишься, – сказала Савинская, сложив губы в грустную улыбку. На щеках проступили соблазнительные ямочки. – Неизвестно, кто придет вместо тебя. Может, какой-нибудь павлин. Лет пять потребуется, чтобы он превратился в нормального врача.

– Я был напыщенным павлином.

– Ты всегда был добрым. Слишком добрым...

– Хорошо, что у меня есть Кривокрасов.

– Да, этот компенсирует твою доброту.

Прерывистое кваканье вернуло их к монитору.

– Пульс скакнул, – сказала Ольга.

Константин Петрович во сне охнул и дернулся.

– Что он делает руками? – спросила Ольга, глядя на графики. – Во как двуглавые мышцы напряглись.

– За что-то дергает, – предположил Андрей, а в следующую секунду компьютер издал сигнал тревоги более громкий, чем предыдущее кваканье.

– Кислород, – указала Ольга. – У него остановка дыхания!

Андрей бросился к двери, опрокинув стул на роликах. Устройство кабинета не предусматривало прямую дверь из технического помещения в комнату пациента. Андрей оказался в маленьком тамбуре.

Торопясь, он дернул за ручку. И покрылся холодным потом.

Дверь не открылась. Не отошла защелка.

Ни он, ни опытная Савинская не могли ее запереть. Ком-

ната пациента вообще никогда не запиралась, он даже не представлял, как выглядит от нее ключ. Для защиты от посторонних существует крепкая наружная дверь. Но внутренние комнаты...

Внутри задыхался пациент, а лечащий врач стоял перед дверью и не мог ему помочь.

– Отойди, Андрей Андреевич! – деловито произнесла набегающая сзади Савинская. – Ты сильно давишь, защелку заклинило.

Ошеломленный Андрей отнял ладонь от ручки. Савинская быстро распахнула дверь, и они влетели в комнату.

Константин Петрович хватал губами воздух. На жилистой шее набухли вены. Он спал, силился вдохнуть... и не мог.

– Язык, – сразу определила Ольга.

– Вижу.

Андрей пропихнул в рот указательный палец и сдвинул запавший язык. Константин Петрович с хриплым присвистом втянул воздух, заморгал, приходя в сознание.

– Все в порядке, – сказал Андрей, присаживаясь на кровать. – Теперь все в порядке... Ух и напугали вы нас.

Пациент ошалело уставился на Андрея.

– Он... он набросился на меня, – невнятно заговорил Константин Петрович. – Питон набросился на меня! И стал душить! Господи, это было ужасно! Я не знал, что делать, не знал...

– У вас дряблое, рыхлое небо. Вдобавок во время сна запа-

дает язык, блокируя воздухоносные пути. Поэтому казалось, что вас душит питон. Это лечат лазером, операцию можно провести в нашей больнице.

Выпученные глаза страхового агента Константина Петровича уставились на Андрея.

– Доктор... сегодня я нашел выход.

– Правда? – Андрей проверил пульс – И что там было?

Савинская отлепила от груди пациента датчики, сняла шапочку с электродами.

– Там была странная дверь.

Андрей почувствовал себя так же, как пять минут назад, когда с отчаянием дергал за ручку, пытаясь войти к умирающему пациенту.

– Вы сказали – дверь? – переспросил он.

Константин Петрович кивнул.

– Не очень большая. В центре узор... похож на лабиринт в журнальчике моей внучки. Знаете, в таких нужно найти путь к центру, где сидит принцесса или чудовище.

Перед глазами Андрея вспыхнули обрывки собственного сна. Дверь, в которую он ударяет плечом, пытается подцепить за край...

– Вы пробовали ее открыть? – спросил Андрей изменившимся голосом.

– Пробовал. Но не смог. А потом питон набросился на меня, обвил, стал душить. Я хотел вдохнуть, но он не давал – все душил, душил...

В глазах страхового агента появилась паника. Андрей взял его за руку:

– Все в порядке. Думаю, в течение нескольких дней мы проведем операцию по подтяжке неба. Десять минут неприятных ощущений – и тревожащие сны уйдут.

7

В архив он спустился, держа под мышкой завернутые в пакет три бутерброда и бутылочку минеральной воды – фирменный обед доктора Ильина.

– Добрый день, Настасья Павловна!

Хранительница медицинского архива, шестидесятичетырехлетняя бабушка, оторвалась от газеты с телепрограммой, в которой отмечала маркером латиноамериканские сериалы, и подозрительно посмотрела через стойку.

– Чего надо?

– Вы не поверите, если скажу. – Андрей наклонился к ней и произнес заговорщицким шепотом: – Мне нужны истории болезни.

– Очень смешно, – ответила она без тени улыбки.

Ильин прочел из блокнота фамилии пациентов.

– Часть я сегодня выдавала, – заметила бабушка, надевая очки с огромными линзами.

– Кому? – удивился Андрей.

В дальнем углу читального зала он обнаружил Дениса Ко-

вальчука, родственника по кафедре неврологии.

Денис всегда выглядел так, словно только проснулся. Халат мятый, шевелюра всклокоченная, глаза за стеклами очков красные. Как точно заметил Перельман, Денис был теоретиком до мозга костей, поэтому Андрей не особенно удивился, застав его в затхлом помещении архива. Ковальчук работал с историями болезни, а не с больными.

– Здорово, Денис! – сказал Андрей. – Каким ветром?

Ему показалось, что Ковальчук вздрогнул, когда поднял глаза. Наверное, от неожиданности.

– Андрей... – Его голос слегка дрожал. – Рад тебя видеть.

– Я тоже рад... Долго будешь работать? У тебя некоторые истории, которые я хотел глянуть.

– Как раз собирался поговорить по этому поводу. Слышал, ты возглавишь лабораторию сновидений. Поздравляю!

– Спасибо, – улыбнулся Андрей.

– Я, вероятно, тоже войду в состав...

– О! Буду только рад.

– Вот читаю твоих пациентов. Пытаюсь понять, чем ты занимаешься. Не возражаешь?

– Вовсе нет. Мне даже приятно.

– Тема потрясающая, – признался Ковальчук, поправляя очки. – Я нашел твои листочки с записями сновидений, вклеенные в истории. Особенно заинтересовали сновидения Самойлова и Политовой.

– Там простые случаи. Сорокачетырехлетний электро-

монтер Иван Самойлов лежал у нас в неврологии, восстанавливаясь после травмы позвоночника. Видел повторяющийся сон о том, как жена, умершая несколько лет назад, подавала на обед протухшую рыбу. Он всегда боялся своей жены, а потому не мог отказаться от блюда. Я предположил язвенную болезнь. Хотя Самойлов никогда не жаловался на расстройство желудка, эндоскопия подтвердила диагноз.

Ковальчук беззвучно изобразил губами: «Ух ты!»

– Политовой было за шестьдесят, она страдала склерозом и почти не помнила сновидений. Только какие-то обрывки. Они показались мне странными. Я несколько ночей дежурил возле ее кровати и будил в разные моменты быстрой фазы. Из кусочков сновидений, которые рассказала Политова, сложилась общая картина. В одних снах ей виделись деревья с набухшими почками, в других – как она плывет на лодке по мутной реке, а рядом плывут бочки. В обоих снах присутствовали карлики с изуродованными затылками... Я предположил аневризму.

– Ангиограмма, естественно, подтвердила аневризму.

– Еще какую!

Ковальчук кивнул. Поглядел на часы. Засобирался:

– Пожалуй, мне пора. Потом расскажешь подробнее?

– С удовольствием.

– Еще раз с повышением тебя.

– Еще раз спасибо, – улыбнулся Андрей.

Он сел на место Дэна, освободил от полиэтилена один бу-

терброд, откусил половину и, жуя, начал листать страницы. Записи двух-, трех-, четырехгодичной давности, сделанные его рукой, замелькали перед глазами.

Политова Ольга Вячеславовна, сорок пятого года рождения:

«Пыталась открыть деревянную дверь. Не смогла. Выход из дома оказался рядом, через другую дверь».

Израйлев Сергей Львович, шестидесятого года рождения.

«Низкая дверь. Постучался в нее, подергал за ручку...» Последние два слова, зачеркнуты, и далее следует: «Нет, дверь без ручки, но на ее поверхности странные узоры».

Андрей съел два бутерброда и запил минералкой. Взял следующую историю болезни.

Соломатина Татьяна Тимофеевна, пятьдесят восьмого года рождения.

Андрей перевернул лист и наткнулся на карандашный рисунок.

Соломатина оказалась художницей и кропотливо зарисовала эпизод из своего сновидения.

Старая, полуразрушенная церковь. Рядом темное, кряжистое дерево с ветвями, похожими на рога. Под деревом черный бык с красными, горящими глазами. Бык нападал на Татьяну Александровну, сбивал с ног и кусал за колени. Артрит в тяжелой форме...

В кирпичной стене церкви выделялась дверь. Центр украшен спиралью, края – узорами в виде волн.

Дверная ручка отсутствовала.

Он сдал истории болезни и в раздумьях вернулся на седьмой этаж в отделение неврологии. До встречи с Анжелой оставалось четыре часа.

До катастрофы не больше пятнадцати минут.

8

Прежде чем отправиться к пациентам, он заскочил в ординаторскую, чтобы оставить там последний бутерброд. Пригодится на полдник. А вообще, нужно питаться более основательно, иначе и ему будет сниться протухшая рыба.

Мобильник на поясе заиграл тему «атака акулы» из «Челюстей».

– Мама, привет! – сказал он, открыв трубку.

– В общем, так, Андрюша! – как всегда затараторила мама. – Юбилей пройдет в кафе «Прима» в следующую среду. Так что ждем вас Анжелой.

– Сколько вам? Ситцевая, что ли, свадьба?

– Ай-яй-яй. Такой молодой, а такой льстивый! Прекрасно знаешь – сколько.

– Извини, мам.

– Извинения принимаются подарками. Электрический чайник меня устроит.

Около секунды Андрей думал, стоит ли ей говорить. Не удержался:

– Мам, мы с Анжелой сегодня заявление подадим.

– Какое заявление? Неужели то, о котором я думаю?

Андрей подтвердил ее догадку многозначительной паузой.

– Господи, как я рада! – взвизгнула мама. – Это что же, зимой свадьба?

– Может, и раньше.

– Ну, Андрюшенька, сынок, сделал подарок старикам к юбилею!

– Ладно тебе, какие вы старики.

– Ведь так хочется с внучатами повозиться!

– Мама! Я могу и передумать.

– Молчу-молчу. Все, сынок, пока! Целую. Только отцу не говори, сама его огорошу.

Мама отключилась. Андрей с усмешкой убрал мобильный в чехол на поясе. Едва он отнял руку, как зазвонил телефон на столе.

– Алло?

– Мне Ильина. – Незнакомый женский голос.

– Это я.

– Здравствуйте. Шакина из отдела международных связей университета. Я звоню по поводу вашей поездки.

– Ох, простите, – вспомнил Андрей. – Сегодня же привезу анкету.

– Не торопитесь. Вы бы зашли документы забрали.

– Какие документы? – опешил Андрей.

– Свои на визу.

– Она готова? Так скоро?

– Нет. Вместо вас поступили бумаги на Ковальчука.

Андрея будто ударили, больно и неожиданно. Он уставился на бутерброд в руке, который не успел положить в шкафчик. «Остерегайся Кривокрасова, – всплыли слова Миши Перельмана. – Он злопамятный... Ему по силам испортить тебе жизнь до того, как вы расстанетесь».

Сразу вспомнился Ковальчук, впервые за два года появившийся в клинике и читающий истории болезни пациентов Андрея. Вспомнились его дрожащие руки, сконфуженный взгляд. От неожиданной догадки по внутренностям пробежал нехороший холодок.

Кривокрасов...

– Так вы зайдете сегодня? – поинтересовалась Шакина, озабоченная своими конторскими проблемами.

– Нет! – воскликнул в трубку Андрей.

Он выскочил из ординаторской, не помня себя.

В ушах отдавались удары сердца. Взор заволокла пелена. Пациенты в коридоре шарахались от разгоряченного врача словно от шаровой молнии. Кто-то, кажется старшая медсестра Наталья Борисовна, окликнула его, но он не обернулся.

Перельман был в кабинете один, что-то писал. Его карие удивленные глаза поднялись на Андрея, когда тот ввалился в дверь.

– Где он? – спросил Андрей, задыхаясь от волнения и гнева.

– Поехал в университет, – ответил Перельман. – Андрей, что случилось?

Ильин не ответил.

Он спустился на лифте на первый этаж. На улицу выскочил даже не переодевшись, прямо в белом халате. Ярость переполняла его. Кривокрасов собирался выдать исследования Андрея за свои и похвастать ими в Париже. И если сам автор отказывался подготовить доклад, то просьбу кафедрального гуру с готовностью выполнит Ковальчук.

Асфальт... асфальт под ногами мелькал. Прохожие не оборачивались на спешащего куда-то молодого врача, бормочущего что-то под нос.

На другой стороне дороги он увидел нужную маршрутку и ринулся к ней через проспект, не заметив красный сигнал светофора... Что произошло дальше, Андрей не понял. Кажется, он споткнулся из-за спешки. Потом над ним выросла темная громада, заслонившая солнце. При виде ее Андрей даже не успел почувствовать страх. Только сон, стершийся из памяти поутру, предстал во всех красках, драматизме и пугающих совпадениях.

С другой стороны улицы пронзительно закричала женщина. Взгляд инстинктивно дернулся в ту сторону... а затем на голову Андрея обрушился сокрушительный удар.

Он взлетел в воздух, оставив на асфальте зашнурованные

туфли. Перед глазами мелькнул борт с ироничной надписью «Похоронное бюро „Ангел“. И вспышка черноты заволокла сознание еще до того, как тело в белом врачебном халате рухнуло под ноги прохожим.

Глава вторая
«НЕТ МНЕ МИРА, НЕТ ПОКОЯ, НЕТ ОТРАДЫ»

1

Усталость.

Вот что он почувствовал, как только первая мысль поднялась из небытия. Невероятная усталость во всем теле, полное бессилие. Надо бы открыть глаза, но не хочется.

Что произошло?

Он не помнил. Ведь это произошло во сне, а сны быстро забываются при пробуждении. Кажется, он бежал от бури. Но не убежал. Невидимая рука схватила его, бросила в воздух, закружила... И еще он получил удар по голове куском асфальта. Или это случилось не в этот раз?

Он вдруг вспомнил причину. Кривокрасов! Его руководитель решил прочесть доклад о диагностике сновидений на конференции в... в... он не помнил где. Андрей отказался готовить доклад, и тогда Кривокрасов вписал в заявку Ковальчука. Дэна Ковальчука, неплохого в общем парня, но знающего об этих исследованиях не больше, чем о технологии изготовления силиконовых имплантатов.

Кривокрасов повел себя как последняя сволочь. Только Андрею сейчас это безразлично... все безразлично. Он больше не чувствовал ярости, погнавшей его через проспект Луначарского. Да и личность Аптекаря не вызывала эмоций. Усталость, вот что всецело владело Андреем.

Нужно все-таки открыть глаза. Бог с ним, с Кривокрасовым, лицемером в халате врача. У памятника Плеханову в шесть будет ждать Анжела. Они договорились пойти в ЗАГС. Это важно, важнее всего на свете. Анжела всегда злится, когда он опаздывает. Сколько сейчас времени? И где он?

Андрей открыл глаза.

Пространство вокруг заливала слепящая белизна. Это все, что он успел разглядеть. От внезапного головокружения пришлось зажмуриться. Переждав приступ, он снова разомкнул веки.

Белизны стало меньше. Андрей разглядел потолок, кусок стены, угол, где они соединялись... Знакомый интерьер. Он раньше бывал здесь... Так и есть, это палата интенсивной терапии. Андрей оказался в родной больнице в роли пациента. Ну и дела!

Рядом что-то пискнуло.

Он скосил глаза на монитор, показывающий энцефалограмму работы чьего-то мозга. Бета-ритм. Ого, мозговая деятельность этого человека активизировалась. До сего момента только редкие всплески – от силы четыре-пять герц, а те-

перь живенькие двенадцать. Счастливчик!

– Господи!

Он повернул глаза.

Рядом с его кроватью застыла молоденькая медсестра. Андрей посмотрел на нее, открыл рот, чтобы поздороваться, и провалился в беспамятство.

...Когда он вновь пришел в себя, вместо молоденькой сестры у кровати стояла Ольга Савинская. Его добрый друг из отделения функциональной диагностики. Он попытался произнести имя. Не вышло. Губы не слушались.

Ольга заметила попытку.

– Узнал меня, – обрадовалась она. – Узнал!

Ее мягкая ладонь коснулась щеки. Андрей почувствовал тепло и необыкновенную нежность.

– О... о-о... – произнес Андрей. Чтобы выдавливать гласные из груди, помощь губ почти не требовалась.

– Что, Андрюшенька?

– О-о... – Произнести слово не удавалось.

Ольга провела по щеке.

– Чувствуешь руку? – спросила она. – Если да – моргни.

Он медленно закрыл, потом открыл глаза.

– Ты узнаешь меня, ощущаешь прикосновение, отвечаешь на вопросы!! Это здорово.

– О-о... – промычал Андрей.

Руки не слушались. Безвольно лежали по обе стороны от тела, словно поленья. Черт возьми, да что с ними такое?!

– Хочешь что-то сказать?

Андрей оглядел палату. Как показать ей, что ему нужно? Не найдя вариантов, он с отчаянием посмотрел на Ольгу.

– Что ты хочешь? – спросила она с жалостью. – Это слово начинается на «о»?

Андрей замер с открытыми глазами.

– На «п»?

Андрей моргнул.

– «По»? Я тебя правильно поняла, да? «Пов» ... «пос» ... «поз» ... Поз? Да, «поз»?

Веки подтверждающе сомкнулись.

– «Позвать»? Правильно, да? Кого-то позвать?

Андрей вдруг увидел висящий у нее на шее мобильный телефон. Ольга проследила за его взглядом.

– Позвонить!

Он закрыл глаза и даже, как ему показалось, кивнул.

– Кому позвонить, Андрей? Маме, отцу? Кому?

– А-а... – произнес он. Господи, как трудно. Словно поднимаешься в гору с грудой камней на спине. – Аже-э...

Ольга смотрела на него пристально, с какой-то грустью.

– Анжеле? – спросила она. – Ты хочешь, чтобы я позвонила Анжеле?

«Да, да! – мысленно закричал Ильин. – Позвони ей, скажи, что я не приду!»

Ольга кивнула, сложив губы в грустную улыбку. На щеках проступили заманчивые ямочки. Андрей увидел, как глаза

медсестры заблестели от влаги.

«Не надо плакать, я жив», – хотел прошептать он, но сил на новую фразу не хватило. Андрей попытался поднять руку, но не смог. Все дело в проклятой усталости. Она будто связала его.

– Сейчас придет врач, – сказала Ольга.

Андрей провалился в темноту.

2

Когда он очнулся, у кровати сидел Перельман. Вид у заведующего неврологией был растрепанный. Врачебная шапочка отсутствовала, обнажив курчавые, кое-где пробитые сединой волосы. Галстук сбился. Незажженная трубка вываливалась изо рта. Перельман сильно волновался.

Сжав ладонь Андрея, он долго не отпускал ее.

– Ты выкарабкался, – говорил Миша. – Ты везучий сукин сын!

Андрей закрыл глаза.

– Он за час проскочил вегетативный статус, – сообщила медсестра. Снова та, которая наблюдала его пробуждение.

– Сейчас проверим, так ли это... Андрей, слышишь меня?

Он повторил испытанный сигнал глазами, но Перельману это не понравилось.

– Нет, – недовольно произнес Миша. – Словами ответь! На что тебе язык, доктор Ильин?

Андрей попытался. Воздух выходил изо рта словно из рваной покрышки, в результате вместо «да» получалось «а-а». Но Перельмана это удовлетворило.

– Как ты себя чувствуешь?

– С-с.та...

– Устал, – определила медсестра. Перельман кивнул.

– Шевельни правой рукой... нет, правой! Отлично. Как твое имя?

– Ан...ей! – Кто не знал, не понял бы. Но два слога получились четко.

Заведующий неврологией прищуренно смотрел на него, оценивая состояние Андрея.

– Ты знаешь, кто я?

– Д-д...

– Какое сегодня число?

Андрей недовольно выдохнул от такого трудного вопроса. Из своего имени он сумел произнести лишь два слога, а Перельман требует, чтобы он сказал «двадцать третье июня»!

Но Миша, похоже, сам понял, что переборщил, и изменил вопрос:

– Какой сейчас месяц?

– Ию-ю...

– Где ты находишься?

– Б-бо... б-больни... – Он набрал воздуха в грудь и закончил: – ...Ца!

Перельман улыбнулся:

– Ставлю тебе тринадцать баллов по шкале Глазго. Ты в состоянии акинетического мутизма. Помнишь, что это такое?

– Д-д... – ответил Андрей.

Веки потяжелели. В коротком диалоге он выложился весь. Накатила неодолимая слабость, стало трудно оставаться в сознании.

Перельман заметил это:

– Отдыхай. Ты молодец.

3

На следующий день Перельман снова посетил Андрея. К этому времени тот несколько раз приходил в сознание и вновь терял его. К счастью, периоды просветления становились все длиннее. Говорил Андрей по-прежнему с трудом. Стали двигаться пальцы на руках и ногах, правая рука согнулась в локте (произошло это уже в присутствии новой медсестры).

Миша присел на краешек кровати.

– Ан-анаже...желе поз-вонили? – первым делом спросил Андрей.

Перельман как-то непонятно посмотрел на него, затем то ли кивнул, то ли покачал головой. Андрей воспринял этот жест как утвердительный.

– Тебе сейчас не нужно беспокоиться о том, что происхо-

дит за этими стенами. Все неприятности позади. Главное – к тебе вернулось сознание.

– Ч-что... слу-чилось?

– Тебя сбила машина.

– Ангел...

– Да, «Ангел». «Газель» похоронного бюро. Ты выскочил на проезжую часть на красный свет. – Миша сурово посмотрел на него. – Ты серьезно пострадал, Андрей.

– Скажи... – прошептал он.

– Перелом левого предплечья, ключицы, нескольких ребер... И тяжелая черепно-мозговая травма в лобно-теменной области правого полушария.

Андрей почувствовал, что стало трудно дышать.

– Линейный перелом черепа, эпидуральная гематома. Была операция, работал сам Столяров. Твою голову восстановили, Андрей, но...

– Е-если... была не-не... – Произнести «нейрохирургическая операция» вряд ли бы удалось, слишком длинный словесный ряд.

Миша взял его за руку, показывая, что понял.

– С момента операции прошло восемь месяцев.

Жизнь остановилась. Крупицы сил, которые он собрал в себе за сутки, рассеялись.

– После удара ты впал в глубокую кому, – продолжал Перельман. – Пять баллов по шкале Глазго. Твоя травма была очень серьезной, а кома длилась восемь месяцев, Андрей.

Поэтому мы безумно счастливы, что ты очнулся. Мы ждали этого всей командой.

– Бракман... десять...

– Да, по Бракману после длительной комы только десять процентов достигают выздоровления или умеренной инвалидности. Но тебе я делаю великолепный прогноз. Ты миновал вегетативную стадию, сознание спутанно, но работает. Умственные способности, речь, движения улучшаются с каждым часом.

– П-поездка в... в... – Он не понимал, почему не может произнести название города.

– Не напрягайся. Я же говорил, что у тебя повреждены лобные доли.

– Кон-ференция, – прошептал Андрей.

– Кривокрасов сожалел о том, что с тобой случилось. Но конференцию никто не отменял, и от кафедры поехали он и Ковальчук.

В груди прокатилась горячая волна возмущения. Ковальчук собирался ехать на конференцию еще до того, как голова его коллеги вошла в контакт с бампером «газели». И еще Андрей был уверен, что Кривокрасов нисколько не сожалел о том, что случилось. Нисколько!

– Чт-то... на конф-ф...ференции.

– Ты хочешь знать?

– Да! Да! – разозлился Андрей.

Перельман уставился в пол.

– Кривокрасов прочел доклад о диагностике по сновидениям. Его речь попала во французские и британские журналы, кафедра была на устах какое-то время... Мне очень жаль, Андрей, но руководителем лаборатории сновидений назначили Ковальчука. Понимаешь, после трагедии, которая случилась с тобой, никто уже не надеялся... А Ковальчук защитил кандидатскую, он молод, разбирается в теории сна... Мне искренне жаль.

Андрей отвернул голову, чтобы Миша не видел его лица. Да какая, собственно, разница. Пусть он заплачет сейчас, пусть изойдет соплями – ничего не изменится. Его многолетняя работа украдена. Ни Кривокрасов, ни Ковальчук не принимали участия в исследованиях. Они лишь присвоили результаты.

– Андрей, мы тебя восстановим, – пообещал Перельман, сжав его кисть. – И не таких поднимали. Не падай духом.

– Оставь... меня...

Миша опустил голову и покинул палату, осторожно прикрыв за собой дверь. Андрей не выдержал и заплакал.

4

Сон был тяжелым, мутным, наполненным жуткими образами, возникающими из тьмы. Андрея окутывала невидимая, вязкая пелена. Он продирался сквозь ночной ельник, и сердце замирало от страха. Теперь придется разгадывать

болячки в собственном сновидении, а этого так не хотелось. Ему было лень. Он занимался этим девять лет. Девять лет. Зачем еще тратить время, когда есть Кривокрасов, судя по последним новостям, крупнейший специалист в этой области...

Едва Андрей подумал о профессоре, как тот возник перед ним. Коренастый неандерталец во врачебном халате и прической ершиком скорчил жалостное лицо:

«Мне так жаль, что ты не поехал в... в...»

Он повалился на спину и стал кататься по прошлогодним листьям, заливаясь сумасшедшим смехом. Внезапно Андрей понял, что это вовсе не профессор, а гигантская летучая мышь. Через секунду она развернула крылья, хлопнула ими и взлетела. Темная туша рванулась прямо на него. Андрей пригнулся, но острые когти успели чиркнуть по лицу.

Мерзкая тварь исчезла среди еловых вершин. Андрей прижал ладонь к скуле, чтобы остановить кровь, но оказалось, что крови не было. Когти летучей мыши разорвали кожу, похожую во сне на латексную маску. Андрей начал сдирать ее с лица. Она сходила лоскутами, освобождая свежую кожу. Когда он закончил, то неожиданно обнаружил себя возле полноводной реки.

На другом берегу возвышался дом без окон. Вход в него перегораживала дверь, которую Андрей узнал даже на расстоянии. Узор спирали отчетливо вился по дверному полотну. Пересечь реку, чтобы добраться до двери, было невоз-

можно.

5

Чай, поданный медсестрой, был крепок и темен.

Сидя на кровати, Андрей уставился на зыбкое отражение в чашке. Что-то в нем было не так, хотя не совсем понятно, что именно. Поверхность колыхалась, мешая рассмотреть. Он поставил чашку на пахнущую столярным клеем тумбу, дождался, пока чай успокоится, и заглянул вновь.

Из темного отражения на него смотрело чужое лицо. Худое, изможденное, с огромными тусклыми глазами. Но главное – лицо незнакомца рассекал безжалостный, уродливый шрам (по крайней мере, таким он показался Андрею). Он начинался под глазом, делил пополам левую скулу, опускался к уголку рта, задирая его теперь в вечной кривой усмешке.

Андрей отставил чашку и дотронулся до лица. Указательный палец нашел мягкую, тонкую полоску кожи, прошелся вдоль нее и остановился на задранном уголке рта.

– Гуэмплен, – произнес Андрей.

Декоративная накладка бампера ангельской «газели» изуродовала его лицо. Что ж, спасибо и за это.

Раньше он не особенно верил во Всевышнего. А теперь и вовсе был убежден, что в мире не существует силы, которая помогала бы порядочным людям. Таким, как Андрей Ильин.

6

– Здравствуйте, можно к вам?

Голос молодой девушки, заглянувшей в палату, звучал робко и взволнованно. Андрей уже лежал в родной неврологии: вчера его перевели сюда из интенсивной терапии по просьбе Перельмана.

– Вы, наверное, ошиблись дверью.

– Нет, вовсе не ошиблась. Вы доктор Ильин?

Она вошла. Девушка в белом приталенном халате. Черные волосы рассыпаны по худым плечам. Похожа на татарку, что подтверждалось небольшим акцентом. Симпатичная. Карие глаза пристально изучали Андрея.

– Еще раз извините. Меня зовут Альбина... Альбина Багаева. – Ее голос дрожал. – Я ординатор первого года.

Он старался не смотреть на девушку, стесняясь шрама. А она, наоборот, разглядывала его лицо с жадным любопытством. Андрей не выдержал.

– Прекратите на меня пялиться! – раздраженно сказал Ильин. В последнее время приличные манеры ушли – как он говорил, «остались в коме».

– Простите.

Альбина смутилась, поспешно отвела взгляд. Андрей сделал вид, что чешет переносицу, хотя на самом деле прикрывал шрам. Ему придется привыкать к окружающим, пяля-

щимся на него как на уродца из кунсткамеры.

– Я много слышала о ваших исследованиях... о вас... Извините, если чем-то обидела. Просто я давно мечтала познакомиться.

– Диагностика по сновидениям теперь не мои исследования, – ответил Андрей с досадой.

Девушка мельком глянула на него. Снова уставилась в пол.

– Нет, ваши, – осторожно возразила она. – Я услышала о них, когда училась на втором курсе. Ваши статьи подтолкнули меня к дополнительным занятиям по психологии и физиологии сна.

На лицо свалилась прядь, девушка убрала ее за ухо с неприметной сережкой.

– Значит, вы – ординатор первого года? – спросил Андрей.

Она кивнула, не сводя глаз с собственных туфель.

– Как работается?

– Нормально. Только не до всего допускают. Иногда приходится выполнять сестринскую работу. Иногда Михаил Маркович скрипит на нас зубами, называя половинками от настоящих врачей...

– Перельман строг с ординаторами.

– Он хороший человек, думающий и понимающий, хотя и комплексующий по поводу семейных отношений... – Андрей удивился, насколько девушка точно охарактеризовала заведующего. – Жаль, у него не всегда находится время, чтобы

объяснить некоторые вещи, которые хотелось бы знать, вот... А еще я собираю материалы для Анатолия Федоровича.

– Кривокрасова? – удивился Андрей.

– Да.

Он возвел глаза к потолку и усмехнулся:

– Девушка, вы угодили на плантацию самого крупного рабовладельца.

– Кривокрасов был руководителем моего диплома. Обещал место на кафедре, если я помогу ему с клиническими испытаниями какого-то снотворного.

– Это на него похоже. Знаете его прозвище?

– Нет.

– Аптекарь.

– Правда?

Альбина наконец подняла взгляд – прямой, искренний. Андрею он понравился, такой бывает только у людей с кристальной душой.

– Андре-эйка-а-а-а!!!!!!!

В палату ввалились родители, шумные и радостные. Девушку сдвинули куда-то в угол, и она поспешила убраться из палаты. Андрей только увидел, как шевельнулись ее губы в неслышном прощании.

– Андрюшенька, сынок, родненький, любименький! – тараторила мама. Иногда скорость произносимых ею слов опережала мысли. – Ну как, как, как ты себя чувствуешь?

– Здоров, человечище! – крепко пожал худую ладонь отец,

морской офицер в отставке. – Вон как лицо отъел на казенных харчах!

– Кажется, только вчера, мама, ты пригласила меня на юбилей, – произнес Андрей.

Родители сразу погрустнели. Мама взяла его за руку.

– Не было юбилея, Андрюшенька. Сидели возле тебя, уже не чаяли, что снова выпадет случай поговорить. – Из маминых глаз потекли слезы, но она засмеялась. – Мы так счастливы, что ты очнулся!

– Где Анжела? – спросил Андрей.

Отец с матерью странно переглянулись.

– Мы не знаем.

– То есть как?

– Пришла однажды, глянула на тебя и больше не показывалась. Не звонила, не спрашивала. Совсем исчезла. Так что не знаем, где она теперь, сынок...

Андрей отвернулся. Последнее время он часто так делал, когда слезы душили его.

Родители переглянулись.

– Андрюшенька, не переживай так. Главное – ты пришел в себя! Это такая радость, такая радость! Мы уже не чаяли... – Мама снова залилась слезами. На этот раз без смеха.

– Скоро лето начнется, – неловко произнес отец. – Выедем на дачку. Отдохнешь там. Солнце, травка, лесок. Здоровьица наберешь!

– Я не хочу отдыхать, – раздраженно ответил Андрей. –

Наотдыхался. Восемь месяцев. Многое изменилось за это время. Я сказал – многое? Все изменилось! Работа, личная жизнь. Придется все начинать заново, с нуля.

– Нельзя сразу браться за работу, – встрепенулась мама. – Ты слишком слаб. Съезди сначала на курорт, куда-нибудь в Турцию...

– Куда? – не понял Андрей.

– В Турцию. На Средиземное море.

– Какое море?

– Андрей, ты что? – удивился отец.

Дрожащими пальцами Андрей дотронулся до лба. Что сказала мама? Назвала какой-то курорт. Почему Андрей не может повторить его название?

– Возьми на первое время, – произнес отец, опуская на тумбочку пакет, наполненный яблоками и грушами.

– Мне пока нельзя, – сказал Андрей. – Трудно жевать.

– Тогда раздай медсестрам. Пусть пожуют за тебя.

– Ладно, Андрюша, – сказала мама, – нам пора. Мы завтра придем.

– Спасибо за фрукты.

7

Ночью опять пришел сон. В нем было меньше угнетения и страха, образы стали ярче и контрастнее. Изменения сигнализировали, что Андрей шел на поправку.

Ему снилось, будто он вставал с кровати и гулял по коридору, хотя в реальности пока не мог этого сделать. Но ему очень хотелось начать ходить, а сон всегда подчеркивает скрытые желания.

За окнами стояла ночь. Светила полная луна. Из головы, в том месте, где его ударил передок «газели», клочьями лезли волосы. Андрей заткнул темечко пятерней, но волосы сыпались сквозь пальцы.

Бродя по коридорам, которые были гораздо длиннее и путанее, чем в реальности, он неожиданно оказался перед дверью. Той самой, с узором спирали или спирального лабиринта на поверхности. Своей архаичностью она выделялась на фоне традиционного больничного стиля и в точности напоминала рисунок Соломатиной... за единственным исключением.

Андрей не поверил глазам.

На двери появилась ручка!

Черная кованая скоба, новая, не затертая ладонями, призывала потянуть за нее и проникнуть в тайну. Андрей не хотел трогать ручку, ему вдруг стало страшно. Стоит открыть дверь – и жизнь изменится. А ему не хотелось новых перемен. Он сыт по горло переменами: и так потерял все, что было. Эта дверь – отголосок надежд и желаний, живших в докторе Ильине до травмы. Потянуть за ручку значило озарить себя новой надеждой. Этого он и боялся. Озарить себя надеждой. А затем потерять ее, как уже случалось.

Пока он терзался мыслями перед дверью, откуда-то появилась незнакомая пожилая медсестра, которая стала упрекать Андрея, что он поднялся с кровати. Она повела его назад, в палату, и он больше ничего не запомнил из своего сна.

8

Через две недели он начал ходить. Сначала с помощью медсестры, затем самостоятельно, на костылях. Два раза в день Андрей выполнял восстанавливающие комплексы, и вскоре под кожей начали наливаться мышцы. Через месяц он ходил, опираясь только на клюку.

Быстрая утомляемость и апатия, характерные после черепно-мозговых травм, постепенно сходили на нет. Иногда его преследовали головные боли, иногда нарушалась цикличность сна, но это случалось все реже. Андрей прошел курс магнитотерапии, закончил принимать энцефабол, наком и глутаминовую кислоту. От психостимуляторов увеличилась раздражительность, и психиатр их отменил.

Речь восстановилась полностью. Тесты на мышление показали, что умственные способности вернулись к прежнему, дотравматическому уровню. А вот с памятью были проблемы. Андрей забывал или путал значения некоторых слов. Например, он мог описать форму гитары, количество струн на ней, но не мог вспомнить, как она называется. Иногда вспоминал, иногда нет. Перельман сказал, что предметная

память непременно восстановится, потому что наблюдается прогресс. Гораздо хуже дела обстояли с географическими названиями.

Географические названия почти не держались в голове, словно за что-то мстили Андрею. Если в газетной статье встречалась улица или город, ему требовалось прочесть название не менее двух десятков раз, чтобы оно осело в памяти. Потом проходил час, он свободно пересказывал содержание статьи, но улица или город забывались начисто. Такое избирательное нарушение фиксации Андрей связывал с расстройством кровообращения в травмированных зонах мозга. После аварии произошла потеря синапров в нейронах, поэтому когда он слышал незнакомое название, оно не связывалось с подходящей ассоциацией, необходимой для запоминания. Чтобы исправить дефект, он каждый день по тридцать минут читал карту дорог России, надеясь, что мозг установит новые ассоциативные связи в обход поврежденных. Пока помогало плохо.

9

В палате они расположились на двух стульях, которые сами же принесли. Перельман рассматривал снимки сделанной вчера томограммы головного мозга, психиатр листал историю болезни. Со дня выхода из комы прошло около трех месяцев.

– На снимке никаких аномалий, – заключил Миша. – Должен тебя поздравить, Андрей. После тяжелейшей травмы ты восстановился как спринтер. Не возражаешь, если я напишу о твоем случае статью в журнал?

– Я хочу вернуться к работе, – сказал Андрей, ожидая реакции психиатра.

– Что ж, – произнес тот, тряхнув вторым подбородком, – ваш прогресс, доктор Ильин, действительно впечатляет. Мозговые функции восстановились полностью. Депрессия не наблюдается уже давно. Осталась некоторая замкнутость, но, думаю, здесь нет ничего страшного. Отдельно хочу отметить память, она великолепна. Вы помните названия болезней и лекарств, прекрасно разбираетесь в них. Только эти географические названия...

– Это мелочь, – уверенно махнул рукой Перельман. – Работе не помешает. В больнице есть врачи с куда более тяжелыми дефектами. У Смирнова из кардиологии ножной протез, а у Грибанова диабет второй степени. Андрей всего лишь забывает географические названия. Как его непосредственный начальник, заявляю: это мелочь!

– Тогда у меня нет возражений, – пожал плечами психиатр. – Выписываю с формулировкой «отсутствие психических нарушений». Социальные показатели: прежний объем работы по специальности без утомляемости, преморбидный уровень общения.

– Ура, – сказал Перельман и пожал Андрею руку. – Воз-

вращайся в отделение. Мы все тебя очень ждем.

– Знаю, – ответил Андрей. – Ко мне многие заходили.

Они ушли, унеся стулья. Оставшись один, Андрей откинулся на подушку.

Депрессия не наблюдается уже давно? Он хмыкнул.

Невыносимая, изнуряющая горечь не отпускала его на протяжении всего времени после выхода из комы. Андрей просто тщательно скрывал ее. Он улыбался, говорил всем, что чувствует себя заново рожденным, что ему дан шанс начать новую жизнь... Он говорил эту чушь в основном для своего психиатра, который учился по тем же учебникам, что и Андрей. В них это называлось «признаками психического выздоровления». На самом деле мысли об утраченных возможностях не оставляли ни на секунду. Ведь его карьера, его личная жизнь – все пошло прахом после злосчастной аварии!

Нет, депрессия не покинула его. Она была рядом, держала Андрея в тесных, можно сказать, дружеских объятиях. Он надеялся избавиться от нее, вернувшись на работу. Если это не поможет, тогда жизнь окончательно потеряет смысл.

Глава третья
ГРОХОТ ГРОМА

1

Черный «порше» остановился на обочине дороги возле широкого, пустынного пляжа, на который накатывались океанские волны. Солнце садилось за горой, нависающие над трассой скалы бросали на пляж длинные тени.

Из салона «порше», роскошного, словно пентхаус, вылез привлекательный молодой человек в гавайской рубашке, шортах-бермудах и шлепанцах на босу ногу. Перевившиеся золотые цепи на бычьей шее звякнули, ударившись о рельефную грудь. На предплечье синела татуировка «ТС». Под рубашкой за ремнем торчал автоматический «глок» калибром девять миллиметров.

Человека звали Лусио.

Для кого-то это имя звучало словно имя кинозвезды. В остальных оно вселяло ужас. Лусио по кличке Красавчик был известным в городе гангстером. В своей фавеле он занимал должность gerente geral[1], а фактически являлся ее первым лицом. Его престарелый босс не мог управлять бизне-

---

[1] Генеральный менеджер (португ.).

сом в полной мере, поскольку последние шесть лет наслаждался жизнью в уютной камере городской тюрьмы Бангу-1.

Лусио оглядел пляж.

Метрах в пятистах по направлению к городу купались дети, ветер доносил их радостный визг. На горизонте стоял нефтеналивной танкер. Больше никого. Курьер доны Флоресты еще не прибыл. Можно успеть выкупаться.

За спиной на высокой скорости промчались две машины, от которых пахнуло выхлопами. Лусио не стал запирать «порше» или ставить на охрану, никогда этого не делал. Автомобиль знали. Даже если бы какой-нибудь сумасшедший рискнул его угнать, вряд ли бы он сумел сбыть похищенное. Все, на что он мог надеяться, – это пуля и небольшой участок земли в дебрях городского парка. Так что Лусио не запер машину, а просто захлопнул дверцу и побрел к линии прибоя, увязая шлепанцами в мягком песке.

Неподалеку от воды он сложил одежду на шлепанцы, спрятал под ней пистолет и, разбежавшись, нырнул в теплые, упругие волны. Отплыв от берега, немного полежал на спине, затем с неохотой повернул обратно. Когда Лусио выходил из воды, курьер уже ждал. Человек в белой рубашке, в галстуке, с неприметным лицом клерка, с зализанными назад волосами, манерный до отвращения. Его машины на дороге не видать, – значит, приехал на такси. Он улыбался, разглядывая фигуру Лусио. В одной руке держал кейс, в другой – «глок», который должен был лежать на шлепанцах, прикры-

тых одеждой.

2

– Это мое, – заметил Лусио, указав на пистолет, когда направлялся к курьеру через полосу влажного песка.

– Нисколько не сомневаюсь, любезный, нисколько! Но лучше быть осторожным, не правда ли?

Он мерзко захихикал. Лусио раздраженно сощурился.

– Красавчик Лусио! Красавчик Лусио! – Курьер пошевелил носком лакированной туфли сложенную на песке одежду. – Что ты носишь? Деньги жалеешь? Напрасно. Такое роскошное тело должно носить достойную одежду...

– Может, перейдем к делу, пидор?

Улыбка слетела с лица собеседника.

– Не зарывайся! – взвизгнул он. – В своей фавеле командуй! Дона Флореста раздавит тебя одним пальцем! Ей достаточно звонка, чтобы полиция вычистила кварталы от твоих оборванцев, а тебя посадила за решетку!

Пистолет прыгал в его руке. Лусио напрягался каждый раз, когда мог заглянуть в ствол.

– Ненавижу таких, как ты! – процедил курьер, сжав зубы. – Дорогая машина, грошовые шмотки. Ты дешевка! Родился в дерьме, с самого детства мечтал стать кем-то, заработал немного денег, но так и остался дерьмом!

– Хватит истерить. Какого дьявола ей нужно?

Курьер нервно выдохнул. Натянуто улыбнулся своей гадкой улыбкой:

– Сеньора требует компенсацию за ее хлопоты на севере города.

Дона Флореста имела высокий статус в преступной среде и была могущественным конкурентом как Лусио, так и его босса. Она не занималась наркотиками (он вообще понятия не имел, чем она занималась), но теснила Лусио из всех областей, на которые он пытался расширить бизнес фавелы. Около месяца назад Красавчик взял под контроль район на севере города, в котором собирался поставить своих дилеров и начать продажи дури. Не прошло и недели, как ему пришлось бежать оттуда, оставив партию товара и расстрелянные трупы своих пехотинцев. Люди доны Флоресты, хорошо обученные и безжалостные, поддерживаемые полицией, устроили настоящий террор его подчиненным. Это было позорное поражение, Лусио до сих пор от него не оправился.

– Вот список контрибуции. – Придерживая кейс коленом, курьер раскрыл его одной рукой и достал запечатанный конверт.

Судя по толщине, внутри не больше одного-двух листов. Лусио вытер ладони о плавки и потянулся за ним. Он ухватил бумажный пакет близко к пальцам курьера, что позволило тому прикоснуться к руке и даже погладить ее. Этот педик погладил его, Лусио! Он подумал, что сейчас возьмет послание Сеньоры, а затем сломает челюсть одному представите-

лю нетрадиционной сексуальной ориентации. Это помогло бы избавиться от омерзения, которое вызывал в нем курьер. Сдерживало только имя его покровительницы.

И еще пистолет.

Лусио вскрыл конверт и достал письмо, содержавшее сухой перечень того, чем он должен возместить ущерб за свое вторжение: «Триста тысяч долларов... пятнадцать килограммов золота... четыре мотоцикла и восемь автомобилей (марки указаны)». В случае неповиновения его ожидали проблемы на других подконтрольных территориях.

– Это все? – спросил Лусио, не выказав ни грамма эмоций.

– Нет. Что делаешь сегодня вечером? Не желаешь посетить какой-нибудь клуб, пропустить по коктейлю?

– Не с тобой.

– Я просто спросил. Особо не надеялся – больно надо!

– Отдай пистолет.

– Красавчик, ты должен помнить, о чем я говорил. Дона Флореста разозлена на тебя. Не совершай новых ошибок!

– Я об этом помню, – сквозь зубы процедил Лусио.

Собеседник ухмыльнулся. Протянул ствол рукоятью вперед и играючи убрал, когда Лусио попытался взять в первый раз. Но затем все-таки отдал.

– В письме указан телефон, по которому следует позвонить. В случае если...

Правую глазницу курьера резко обожгло, и половина мира тотчас потухла. Яростная боль в голове возникла лишь

потом, когда он обнаружил, что лежит на песке, а в лицо ему направлен ствол и Лусио нажимает на спуск второй раз.

Лусио давил на курок до тех пор, пока выстрелы не сменились звонкими щелчками, а ему хотелось нажимать еще и еще. Лицо курьера провалилось и выглядело как кровавая каша. Но он все-таки стер заносчивую ухмылку.

3

Это всегда наступало после убийства, когда исчезала угроза, когда он опускал ствол. Приступ короткого, парализующего страха.

Стоя посреди пляжа в одних плавках над мертвым телом, Лусио съежился в ожидании внезапного удара. Картинка всплывала непроизвольно – молния ударяет в затылок или в плечо, проходит внутрь, выжигает органы. Видение длилось несколько секунд, но повторялось из раза в раз с самого детства – с тех пор как он впервые застрелил человека.

Это случилось, когда Лусио было одиннадцать. Жертвой стал ровесник. Застрелить его приказал главарь банды, четырнадцатилетний пацан, самый старший из них. Банда наводила ужас на прилежащие к фавеле городские кварталы: грабила прохожих и магазины, воевала с другими бандами. Сейчас он не помнил лица первой жертвы; кажется, тот принадлежал фавеле, с которой у них шла война. Лусио без колебаний выпустил пулю, чувствуя, как стремительно растет

его карьера. Правда, после убийства он испытал небывалый страх, загнавший мальчика в тесный подвал дома матери. Его мучили не угрызения совести. Маленький Лусио страшился божьего гнева.

Отца он не помнил, тот умер от малярии, когда мальчику было около года. Воспитывала его мать. Она продавала гребни возле туристических отелей и отличалась чрезмерной религиозностью. С самого детства эта женщина наглядно демонстрировала сыну, что случается с теми, кто нарушает Божьи заповеди. Когда он пытался стащить из буфета кусок сахара или украсть мелочь из кошелька, она незаметно подкрадывалась сзади и со всей мочи била его жестяным подносом по затылку. Лусио до смерти пугало неожиданное появление матери, но еще больше – оглушительный грохот. Он плакал, держась за затылок, объятый тупой болью, иногда липкий от крови, а мать стояла над ним – огромная, словно великанша, – и повторяла, что он испытает именно это, когда совершит настоящий грех. Только Бог не будет таким милостивым, как она. Лусио будет гораздо, гораздо хуже.

После своего первого убийства малыш Лусио просидел в подвале две недели, трясясь от страха, боясь выбраться на улицу. Казалось, стоит ему очутиться под открытым небом, как на голову обрушится внезапный удар, сопровождаемый апокалипсическим грохотом...

К его удивлению, этого не случилось. Кара Господа ми-

новала menino[2]. И тогда страх сменился интересом: почему? Почему Бог не покарал его, как обещала мать? Через полгода он совершил еще одно убийство. Кажется, это был прохожий, они сняли с него рубашку, часы, вытрясли из карманов всю мелочь. Его не требовалось убивать, но Лусио выпустил пулю из любопытства. Снова был подвал и суеверный ужас, но, когда он исчез, стало ясно, что наказание прошло стороной. Тогда Лусио попробовал еще раз, а затем еще... Так он проводил свои эксперименты до двадцати восьми лет. Он играл в русскую рулетку с самим Господом, совершая убийства одно за другим, и оставался безнаказанным. Он испытывал прилив энергии и азарт, но также вину, страх и непонимание: сколько еще убийств он должен совершить, чтобы Бог обрушил на него кару, как обещала мать?

...Страх отпустил через несколько секунд. Теперь две недели подвального ужаса превратились в короткий паралич. Наказания не последовало и в этот раз. Возможно, Бога не существовало вовсе, хотя после убийств Лусио по-прежнему слышал в голове звук, напоминающий грохот подноса матери.

Он обыскал курьера, забрал из заднего кармана брюк бумажник. Не для того чтобы имитировать ограбление, просто Лусио, выросший в бедной семье, с уважением относился к любым заработкам. Правда, теперь напуганный уличный мальчишка превратился в красавчика, плейбоя и обеспечен-

---

[2] Мальчик в возрасте с пяти до тринадцати лет (португ.).

ного человека, чьи фотографии периодически появлялись на передовицах местных газет. Его знали и боялись как огня, потому что такого безжалостного гангстера нужно еще поискать на всем побережье. Его единственным недостатком был «грохот грома». Он смущал, тяготил, Лусио страстно мечтал от него избавиться.

Глава четвертая
ГУЭМПЛЕН

1

В первый день выхода на работу туда, где он почти год лежал как пациент, Андрей чувствовал себя не в своей тарелке. Те же стены, тот же коридор буквой Г, те же палаты, виды из окон. Но абсолютно другие ощущения. Проведенное здесь в роли пациента время изменило сознание. Чужая забота, чужой уход отучили от самостоятельности. Он привык принимать помощь, а не оказывать ее, отвык от роли врача. Особенно остро Андрей это осознал в ординаторской – комнате для врачей, куда он не заглядывал с прошлого года.

В ординаторской оказалась вся команда отделения неврологии. При его появлении тут же смолкли разговоры. Он неожиданно превратился в центр всеобщего внимания, отчего почувствовал себя неловко.

– А вот и наш Андрей! – сказал за всех Перельман. – С возвращением!

Его окружили. Хлопали по плечу, жали руку. Говорили, что рады видеть, поздравляли с выздоровлением – в общем, вещали сплошные банальности. Даже остроумный Тюрин, от которого Андрей всегда ждал сюрприза, выдавил из се-

бя нечто вроде: «Рад, что с тобой все в порядке, и желаю, чтобы в порядке было и дальше». Андрей оглядывал радостные, улыбающиеся лица, улыбался в ответ и чувствовал, как внутри растет отвращение.

На лица коллег были наклеены лживые маски, скрывающие настороженность, недоверие, страх. Они боялись его. Боялись того, во что он превратился. Никто не смотрел в глаза. Когда Андрей отворачивался, то их улыбки замирали, а взгляды тайком изучали шрам на лице и пытались найти повреждения черепа под волосами. Андрей буквально читал мысли, копошащиеся в их головах словно крысы. Как он изменился! Неужели он сможет работать после такой травмы? Неужели ему можно доверить больного, инвалиду с перепаханным мозгом?

– Вообще-то я умер, а перед вами призрак, – ответил он на чью-то реплику.

Врачи засмеялись. Андрей засмеялся вместе с ними, чувствуя, насколько натужно и неестественно их веселье. Правильно, зачем обижать убогого? Лучше поддержать его неуклюжую шутку.

Вскоре ординаторская опустела и в ней остался только Перельман. Миша нахмуренно чесал подбородок:

– Еще раз поздравляю с выходом на работу.

– Спасибо.

– Но как заведующий отделением не могу не спросить: как твое душевное состояние?

– Я в порядке. – Ильин вздохнул с воодушевлением. – Я ждал этого момента долгих три месяца!

Трудно сказать, почувствовал ли Перельман ложь. Миша задумчиво кивнул, велел зайти через часик, чтобы определиться с объемом работы, и отправился на утреннюю пятиминутку с медсестрами. Андрей обессиленно рухнул на стул.

Сколько он продержится? Встреча с коллегами отняла не меньше килограмма нервов. А впереди ждут пациенты. Он воочию представил, как разговаривает с какой-нибудь неврастенической старушкой или мужиком с багровым от каждодневной выпивки лицом. Вместо доверительной беседы, являющейся основой общения с пациентом, они будут пялиться на шрам.

А что делать с исследованием сновидений?

Андрей задумчиво поскреб ногтями по столешнице.

Сновидениями занимается лаборатория Ковальчука. После случившегося у Андрея не было желания продолжать научную работу. Тем более иметь какое-то отношение к кафедре неврологии. Точнее, к одному из ее представителей – борову с прической ершиком и неутомимой жаждой прославиться за чужой счет...

Дверь в ординаторскую приоткрылась. Андрей настолько погрузился в мысли, что вздрогнул от неожиданности. На пороге стояла черноволосая девушка во врачебном халате. Заметив испуг Андрея, она стушевалась. Где он ее видел?

– Здравствуйте, Андрей Андреевич, – сказала она с ак-

центом. – Я Альбина Багаева. Вы меня помните?

Он вспомнил. Ординатор первого года (хотя сейчас, наверное, второго). Она заглядывала к нему в палату на следующий или через день после того, как он вышел из комы.

– Что вам нужно?

Девушка нервно сглотнула и начала фразу, окончание которой Андрей прекрасно знал, потому что пять минут назад то же самое талдычили его коллеги.

– Я очень рада, что...

– Что я наконец выздоровел? – с излишней резкостью сказал он. И пожалел о своих словах.

Багаева едва не заплакала. Она зажала рот, чтобы подавить всхлип. Андрей вдруг понял, что пожелание, которое она собиралась произнести, шло от сердца. Первое за сегодняшнее утро. А он обидел девушку.

Альбина преодолела слабость. Расправила плечи, подняла подбородок. В лице проступило упрямство.

– Да, я рада, что вы вернулись на работу. Быть может, мы почти не знакомы, но я очень переживала... На самом деле я знаю о вас больше, чем вы думаете. Я читала ваши статьи и под их влиянием поняла на втором курсе, что хочу заниматься сновидениями. Я мечтала встретиться с вами, а когда поступила в ординатуру, когда нас привели в отделение, то выяснилось, что вы... что вы... Я была в шоке... Но теперь все позади, и вы снова на рабочем месте...

Черные глаза девушки обиженно сверкнули. Она реши-

тельно повернулась, собираясь уйти. Но прежде чем ее белая туфелька переступила порог, Андрей произнес:

– Зачем вы учитесь на невролога?

Багаева остановилась. Повернула голову:

– Что?

– Если вам так нравятся сновидения, зачем вы поступили в ординатуру по неврологии?

Девушка задумчиво уперлась ладонью в дверной косяк:

– Многие из тех, кто занимался сновидениями, начинали как неврологи. Зигмунд Фрейд, академик Вейн, вы...

– Ладно, давайте поговорим. Только не маячьте у двери, присядьте куда-нибудь.

Багаева вошла в ординаторскую и опустилась на краешек стула. Невысокая, совсем молодая. На лице ни грамма косметики, прямые черные волосы заправлены за уши.

– Вы родом не из Питера?

– Из Владикавказа. Семь лет назад уехала из Северной Осетии и поступила в медицинский университет Санкт-Петербурга.

– Почему вы хотите заниматься сновидениями?

– Это очень интересная тема. Загадочная, даже мистическая.

– В спиритизме мистики не меньше.

Девушка немного подумала.

– Мне кажется, что исследование сновидений поможет людям разобраться в себе и в собственных проблемах.

– А почему вас заботят чужие проблемы?

– Потому что я врач, – ответила она. – Знаете, возможно, это глупость, но я не выношу чужую боль. Не могу смотреть, как людей съедает неизлечимая болезнь, мне хочется облегчить их страдания. Если существует способ это сделать, я готова приложить все силы, может быть, что-то принести в жертву... По-вашему, это глупость?

Андрей сцепил зубы, стараясь не показать улыбку. Девушка произнесла в точности то, что ответил бы он сам. Ответил до того, как попал в аварию.

– Нет, это не глупость, – произнес Андрей. – Хорошо. Давайте постараемся, чтобы за время ординатуры вы освоили не только профессию невролога, но и получили некоторый опыт в своем... мм... хобби. Если будут успехи, я похлопочу, чтобы вас взяли в новую лабораторию сновидений к Ковальчуку.

Взгляд Багаевой скользнул по Андрею. Ему показалось, разочарованно.

– А нельзя попасть туда, где работаете вы? – спросила девушка. Акцент сделался особенно заметным. Как ее зовут? Кажется, Альбина.

– Кафедра неврологии больше не занимается сновидениями. А я вряд ли там останусь... Кто вас курирует?

– Волгина.

– Думаю, Мария Дмитриевна не будет против, если я возьму над вами некоторое шефство. Вы сами не возражаете?

Ее лицо озарилось радостью:
– Что вы! Я бы этого хотела.

2

Его появление позволило Багаевой открыть новые грани профессии. Андрей рассказывал ей о тонкостях работы невролога, объяснял основные ошибки ординаторов, демонстрировал редкие практические приемы. А в свободное время вспоминал куски своей диссертации и наиболее характерные сны бывших пациентов.

– Сновидение – удивительное состояние, в котором человек путешествует вне времени и пространства! – говорил он. – За одно мгновение мы можем перенестись в далекий мир детства, чтобы вспомнить или пережить яркие и драматичные эпизоды, казалось забытые навсегда. Многие люди не верят в силу сна. Они считают, что напрасно расходуют треть своей жизни. Однако сон – такая же необходимая функция организма, как дыхание, кровоснабжение или мышление. Во время сна мы не просто отдыхаем, мы перерабатываем всю информацию, поступившую в мозг за день. Мы окунаемся в глубинные колодцы подсознания и черпаем оттуда идеи, мысли. Сон – одна из форм нашей бессознательной жизни. Сознание – лишь верхушка айсберга, и только кажется, что наша психическая деятельность сознательна. На самом деле очень важны глубинные пласты, которые оказывают влияние

на всю нашу жизнь...

Информацию девушка впитывала словно губка. Тайком наблюдая за ней, Андрей видел в Альбине задатки не просто врача, но ученого: упорство, умение зреть в корень, способность взглянуть на проблему под неожиданным углом. А еще Багаева прекрасно разбиралась в пациентах. Иногда Ильин удивлялся, с какой легкостью она читала характеры и находила подход к людям.

Проблема общения с коллегами с каждым днем ощущалась все острее. Нет, с Андреем были вежливы, ему улыбались, с ним пили чай, рассказывали случаи из бытовой жизни, интересовались мнением по поводу вчерашнего футбола... Но что-то в этих отношениях изменилось, что-то сломалось раз и навсегда. Когда он входил в ординаторскую, через какое-то время врачи потихоньку вытекали из комнаты, вспомнив о срочных делах и страдающих пациентах. Его чурались. Травма наложила на Андрея незримую печать отверженного. К нему больше не будут относиться с прежней непосредственностью.

О Кривокрасове было слышно лишь то, что он проходил стажировку где-то в Лос-Анджелесе, чему Андрей несказанно обрадовался. Ему хотелось, чтобы бывший руководитель как можно дольше оставался на максимальном расстоянии. Он даже надеялся, что, возможно, за океаном заметят этого крупного ученого и предложат остаться. Андрей продолжал на это надеяться, пока в последней декаде августа неожидан-

но не столкнулся с профессором нос к носу возле кабинета иглорефлексотерапии.

Андрей направлялся к больному, которого попросил посмотреть Перельман, когда из конца коридора раздался звук открывающегося лифта, а спустя секунду из-за угла выплыла до боли знакомая кряжистая фигура.

– Ильин! – закричал Кривокрасов на все отделение. – Ильин! Погоди!

Анатолий Федорович направился к нему тяжелым шагом. Ершик волос на голове стал короче, на лице густой тропический загар. А вот халат по-прежнему тесный, размера на два меньше, чем надо.

Взглянув на лицо Андрея, Кривокрасов не смог скрыть отвращения. Обычно коллеги не подавали виду, что шрам их смущает, но Кривокрасов раскрылся во всей красе. Его физиономию исказила брезгливая гримаса. Он не протянул руку для приветствия, словно опасаясь заразиться проказой.

– Поздравляю с выходом на работу! – произнес Кривокрасов, не переставая брезгливо морщиться. Андрей не выдержал и отвернулся. Ничего более лживого ему не доводилось слышать. Фраза прозвучала не приветливее пожелания благополучно сдохнуть. – Мне очень жаль, что с тобой произошла эта трагедия.

Андрей нетерпеливо кивнул, моля про себя, чтобы встреча закончилась как можно скорее. Жаль ему! Как бы коллеги ни относились к травме, все побывали у Андрея, когда

он валялся здесь, на седьмом этаже. Только светило отечественной сомнологии не нашло времени на посещение.

– После того что с тобой случилось, пришлось взять в Париж Ковальчука.

От такой наглой лжи, произнесенной прямо в лицо, у Андрея задрожали руки. Это невозможно! Он бежал к Кривокрасову в тот день, когда случилась авария. Он узнал, что его, автора работы, беспардонно отлучили от поездки в... в... на конференцию. Андрей отказался готовить доклад для профессора, и тот выкинул его из заявки еще до того, как бампер «газели» и голова Андрея вошли в тесный, можно сказать дружеский, контакт.

– Никто не думал, что ты оклемаешься и сможешь работать. После такой травмы...

– Поэтому руководить лабораторией поставили Ковальчука?

– Но ты сам посуди, Ильин! Лаборатория открывается, гранты выделены, все ждут результатов. А ты в глубокой коме. Академия наук торопила. Решили взять Ковальчука, его доклад по диагностике сновидений был отлично принят.

«Мой доклад!» – мысленно закричал Андрей, Кривокрасов все перевернул с ног на голову. Родные исследования, плоть его плоти, больше не принадлежали Ильину.

– Ожидаю твоего возвращения на кафедру. Чем собираешься заняться?

– Не знаю, – буркнул Андрей.

– Сновидениями теперь занимается отдельная лаборатория. У них оборудование, средства, специалисты. Мы все прекрасно знаем твой вклад в эту работу, но пришла пора сделать акцент на другом.

– На испытаниях снотворного, – догадался Андрей, чувствуя, что закипает.

– Ты все понимаешь лучше меня! – Кривокрасов похлопал его по плечу, при этом гримаса брезгливости не сходила с лица. – Сам посуди, ну кому нужны эти сны! Пусть Ковальчук в них ковыряется, у него для этого собран народ. Мы же с тобой займемся серьезными вещами. Вот характеристика препарата, почитай на досуге.

Он сунул в руку Андрея сложенный лист с проступающими на тыльной стороне подписями и синими печатями.

– Да, кстати. – Аптекарь почесал подбородок. – Ковальчук просил узнать, не осталось ли у тебя каких-нибудь записей по работе со сновидениями? Мыслей там, анализа, дневников. Ты ведь наверняка куда-то все записывал.

Андрей почувствовал, как в голове разрастается тупая боль. От нее потемнело в глазах.

– Это мои исследования, – с трудом произнес он. – Я посвятил им лучшие годы!

– Понимаю, ты расстроен, что так вышло. Но ведь случилось несчастье. Пришлось срочно искать замену.

– Вы отстранили меня от участия в конференции еще до того, как я попал в аварию, – произнес Андрей, волнуясь. –

Вы уже тогда переписали меня на Ковальчука!

Кривокрасов задохнулся от возмущения:

– Ты все перепутал своей больной головой. Ковальчук отправился в Париж, когда стало ясно, что не можешь ехать ты.

Произнести следующую фразу Ильину стоило огромных усилий.

– Вы лжете.

Лицо Кривокрасова налилось кровью.

– Я лгу? – угрожающе спросил он. – Я?

Не в состоянии выдавить из себя ни слова, Андрей упрямо смотрел на начальника. И тогда Аптекарь обрушился на него словно ждал этой возможности:

– Да как ты посмел мне сказать такое, юродивый! Тебе башку проломили! Ты не можешь ничего помнить! Восемь месяцев в коме!

– Я помню тот день.

– Он думает, все должны его жалеть! – Кривокрасов его не слышал. – Инвали-и-ид... Да ты должен быть благодарен, что я работу предлагаю, а он говорит мне такое! Зазнался ты, Ильин, ох зазнался! Что за хамское поведение? Не дай бог услышу еще раз!

– И что? – завелся Андрей. От ярости сводило скулы. – Что вы сделаете?

– Увидишь! – воскликнул Кривокрасов, потрясая в воздухе кулаком. – Я добьюсь повторной комиссии. Вылетишь из клиники пробкой! Пробкой вылетишь, понял меня? Остаток

жизни будешь существовать на пособие по инвалидности.

У Андрея сжались кулаки. Захотелось схватить Кривокрасова за грудки и тряхнуть, чтобы порвался халат, причем обязательно с треском. Он, правда, не думал, что за этим скорее всего, последует мордобой, – было уже все равно.

– Хочешь врезать? – орал Кривокрасов. – Давай врежь! Сразу в тюрьму загремишь! У меня полковник в УВД, мы с ним по четвергам в бане паримся, так что давай врежь! Увидишь, что будет...

Андрею было наплевать на последствия. И наверняка разбитых физиономий было не избежать, если бы из своего кабинета не выскочил Перельман.

– Вы с ума сошли! – зашипел он, встряв между ними. – Тут пациенты кругом! Как вам не стыдно?

– Это все твой любимчик! – в запале кричал Кривокрасов, красный, взмыленный, страшный. – Я тебя посажу на инвалидность, урод! Никогда не сможешь работать врачом Ильин, вот увидишь! Не успеешь оглянуться, как это случится! На километр ни к одной больнице близко не подойдешь.

Андрей резко развернулся и ушел прочь. Он выскочил на лестницу, сбежал на несколько пролетов вниз и где-то на четвертом этаже остановился, упершись лбом в оконное стекло. В груди бурлило от ненависти и страха. Он ненавидел Кривокрасова и весь мир вместе с ним. Хотелось бежать от всего этого. Только куда?

Немного придя в себя, он вернулся в отделение. Перед од-

номестной палатой, куда он направлялся до встречи с Кривокрасовым, Андрей на секунду остановился. Провел по лбу трясущейся ладонью, глубоко вдохнул и отворил дверь.

На кровати лежал человек с большим животом и нервным лицом. На правой руке поблескивали тяжелые золотые перстни, на левой – золотые часы. Шею обвивала золотая цепы Напротив него вместо штатного телевизора стояла огромная панель «Панасоник» и DVD-проигрыватель с высокой стопкой фильмов на нем. Друзья или подчиненные зажиточного пациента постарались, чтобы он не скучал во время лечения.

– Добрый день, я доктор Ильин, – представился Андрей, стараясь говорить громче, чем ведущая телепрограммы, объясняющая разницу между преждевременными и поздними родами. – Я задам несколько вопросов, чтобы выявить причину онемения в ногах...

Пациент уставился на Андрея.

– Что это? – Он заерзал на кровати, пузо под одеялом напоминало укрытый простыней воздушный шар. – Что у тебя с лицом?

«И что вы почувствовали, когда узнали, что родите ребенка на седьмом месяце?»

– Не беспокойтесь по поводу шрама, я...

– Что у тебя с лицом? Фу, какое уродство. Я не буду с тобой разговаривать.

«...я была в ужасе...»

– Это всего лишь шрам: Он никак не повлияет на обследование.

«Золотой» пациент не слышал его, закатывая истерику.

– Я не буду с тобой разговаривать. Убирайся прочь! Дайте мне врача с нормальной рожей!

Андрей думал, что сумеет сдержать себя, но слишком много в нем накопилось после разговора с Кривокрасовым. Истеричный пациент стал последней каплей.

Он ответил так, что его услышали в коридоре:

– Другой врач не может диагностировать ваш недуг. Не хотите моей помощи? Тогда распрощайтесь со своими ногами и закажите инвалидную коляску поудобнее, потому что на ней вы проведете остаток жизни!!

Он вышел из палаты, с удовольствием вспоминая перекошенное ужасом лицо пациента. Сквозь дверь донесся голос ведущей телепередачи:

«Не пугайтесь, если врач посоветовал стимулировать роды».

3

Переодеваясь в конце дня, Андрей обнаружил в халате листок с описанием препарата для клинических испытаний. Откуда он взялся? Наверное, Андрей машинально сунул его, когда собирался проверить на прочность халат профессора.

Листок с синими печатями и несколькими подписями

влиятельных руководителей представлял собой маленькую частичку Кривокрасова. Первым желанием было порвать его на куски или сжечь в туалете, сумасшедше хихикая и радуясь маленькой мести. Но затем порыв угас. Обратить в пепел клочок бумаги нетрудно. Только в этом случае конфликт с Кривокрасовым перейдет на новый уровень, а Андрей пока не знал, нужно ли ему это.

Так и не решив, что делать с листком, Андрей сложил его и убрал в блокнот.

Каждое возвращение домой вызывало в нем тягостные чувства. Квартира казалась чужой с того момента, как он впервые после больницы переступил порог. Все сверкало чистотой, все стояло на своих местах: тапочки в прихожей, одежда на вешалках, DVD-диски убраны в шкаф, велотренажер зачехлен. Ни пылинки кругом. Пока Андрей лежал в больнице, мать приходила сюда каждую неделю, тщательно пылесосила ковры, перемывала чистую посуду. Надеялась, что Андрей обрадуется.

Он не обрадовался. Не такой он оставил квартиру одиннадцать месяцев назад, теплым солнечным утром. Тогда ее наполнял аромат жизни, в ней обитал надеющийся, любящий, стремящийся к чему-то человек. А сейчас она выглядела бездушной, словно подготовленная к продаже после смерти хозяина. «А разве не так? – подумал Андрей. – Во мне все умерло после той аварии».

С каждым днем ему становилось хуже. В душе копились

зависть и злость, мир вокруг словно потемнел. Он разучился радоваться Жизни, как год назад. Любимая девушка его бросила. Страстное увлечение у него украли. Как жить дальше?

«Так и жить, – говорил он себе. – Ничего не изменишь». Он вернется на кафедру ради прибавки к жалованью невролога. Будет покорно выполнять все указания Кривокрасова, проводить клинические испытания снотворных, целовать зад профессора, если это окажется в планах кафедры на следующий квартал. И никаких личных исследований, никакой инициативы, упаси боже!

Погасив свет и забравшись в постель, Андрей подумал, что проворочается полночи, вспоминая сегодняшнюю встречу с Кривокрасовым. И без того полтора последних месяца его мучила бессонница. Сновидений он не видел с тех самых пор, как встал на ноги и начал ходить. Однако уснул Андрей быстро. И сновидение пришло. Причем не просто сновидение, а самое главное в его жизни.

Кошмарное и невероятно прекрасное...

4

Андрей бежал по странному лесу. Низкие деревья с кривыми стволами мало напоминали реальный мир – скорее преддверия ада. Или рая. Или того и другого, вместе взятых. За ним гнались карлики, которых он толком не разглядел. Андрей устал и вымотался до чертиков. Нужно где-то отдох-

нуть, прийти в себя, собраться с мыслями.

Деревья закончились, и он оказался на берегу полноводной реки. Перед ним стоял бревенчатый дом без окон. Где он его видел? Скорее всего, в другой жизни. Дом мог послужить убежищем... Только вход в него перегораживала дверь. Глухая, плотно сколоченная, с вырезанной на поверхности спиралью. Хорошо знакомая ему дверь, только непонятно откуда. Он лишь знал, что за ней скрывается тайна. Большая тайна, запретная. Табу, за которое нельзя проникать человеческому разуму.

Ладонь, обхватившая кованую ручку, ощутила рельеф и холод металла. Контакт был отчетливым. Андрей удивился, насколько эта ручка была реальнее всего, что его окружало, – и бревенчатого дома, и кривого леса, и земли с небесами. По телу пробежала короткая дрожь. Сердце замерло в волнующем ожидании. Он не помнил, что решил не заниматься сновидениями. Вообще не осознавал, что спит. Проснуться во сне способны очень немногие люди, и доктор Ильин пока не входил в их число. Он покорно следовал сюжету сна, по которому требовалось войти в эту дверь, чтобы спастись от карликов.

И Андрей потянул за ручку.

Дверь поддалась легко. Повела себя так, словно открывалась всегда. В ее поведении сквозил немой упрек: дескать, и почему же ты, братец, не делал этого раньше?.. Из открывшегося проема дохнуло холодом. В первый момент Андрей

ничего не увидел, пространство за проемом окутывала тьма. Лишь затем открылись уходящие вниз стены и свод.

Коридор.

Наклонив голову, чтобы не стукнуться о притолоку, спящий доктор Ильин переступил через порог. Под ногами оказались узкие, крутые ступени, с которых можно запросто навернуться. Холод усилился, прихватив его сквозь тонкую рубашку и врачебный халат. Андрей постоял на месте, пытаясь разглядеть, что находится в конце коридора, но ничего не увидел. Перила отсутствовали. Он уперся руками в стены и стал медленно спускаться.

Чем дальше оставалась дверь, чем глубже он погружался во мрак, тем сильнее становился страх. Этот спуск под землю напоминал смерть, которую Андрей однажды встретил на проспекте Луначарского. Коридор, движение по нему – нечто похожее видят люди, когда покидают мир кислорода и белковых соединений. Не хватает лишь света в конце, впрочем... Спустившись еще ниже, он обнаружил и этот образ, а также многое другое, гораздо более масштабное, чем скудные рассказы пациентов, переживших клиническую смерть.

Лестница вывела его в просторный зал, наполовину затянутый тьмой, наполовину озаренный светом из окон, прорубленных в своде. Он напоминал одновременно заброшенную станцию метро и могильный склеп. Низкие, массивные потолки, строгие колонны, ниши в стенах. Мрачная торжественность и нетронутая древность. Судя по всему, Андрей

находился в зале один. Хотя чувства подсказывали, что тьма может скрывать многое. Больше, чем способна нарисовать фантазия.

Он вошел в зал и двинулся вдоль стены, стараясь держаться тени – черной и густой, как свежий асфальт. Одно из первых правил осознанных сновидений гласило, что нужно отделиться от сна и его сюжета, заставить себя проснуться во сне. Перебороть могучую силу, которая гонит тебя куда-то, встать, осмотреться, исследовать окрестности своих грез. Некоторые путешественники рисовали целые карты местности: горные пики и глубочайшие озера, гигантские башни и города, лабиринты, реки, площади, воронки в земле... Андрей ничего исследовать не стал. Вместо изучения нового загадочного мира он тупо двигался в глубь зала, ведомый смутным ощущением, что ему туда надо.

Впереди из темноты послышался протяжный, ниспадающий свист. Звук был хорошо знаком, и, пока Андрей вспоминал, где его слышал, в арочном проеме замелькали окна с темными стеклами и что-то заскрипело...

«Электричка», – удивленно подумал Андрей.

Зал все-таки оказался станцией метро!

Электричка остановилась. Двери разъехались в стороны, демонстрируя пустоту в вагонах. Эта станция – отправной пункт, из которого начинается путешествие куда-то очень далеко. Куда Макар телят не гонял.

«Да уж!» – вслух усмехнулся он и пожалел.

Неосвещенная часть зала откликнулась на возглас зычным вздохом.

Андрей припал к стене, схватившись за сердце, рвущееся из груди. У человека, который сейчас спал в своей квартире на Садовой улице, пульс наверняка в три раза выше нормального... Что это было? Он услышал чей-то вздох, хриплый и надсадный, словно огромный зверь пробуждался от зимней спячки.

Чувства не подвели, Андрей оказался не один в этом зале.

Раскрытые двери вагона приглашали войти, и доктора Ильина потянуло внутрь. Электричка привезет его к потрясающим открытиям, к алмазам, сверкающим в темноте. Правда, эти прелести могут оказаться так далеко от *двери,* что не найдешь дорогу назад; а он был уверен, что только через *дверь* сможет вернуться туда, где спокойно и где нет страха. Она как нить Ариадны связывала его с внешним миром. Поэтому Андрей боялся войти в вагон.

Тьма позади шевельнулась.

Холод схватил за горло и принялся душить... Нет, это вовсе не холод, а страх! Ледяной, а потому такой осязаемый. Нужно действовать. Если чудовище выйдет из мрака, у Андрея откажут ноги и он не доберется ни до вагона, ни до двери.

Андрей оттолкнулся от стены и припустил со всех ног к электричке. Позади заскрипела каменная крошка, придавленная чьей-то ступней. Существо зашевелилось, задвига-

лось, выползая на свет.

Ильин влетел в раскрытые двери, и они тут же захлопнулись за спиной. Вагон дернулся и поехал. Андрей припал к окну.

В дальнем конце зала из тьмы выбралась уродливая, косматая фигура. Она предстала перед глазами лишь на мгновение. Потом электричка въехала в тоннель.

Андрей рухнул на пыльное сиденье, не чувствуя ног от страха. Его визит на подземную станцию потревожил существо, дремавшее в темноте. От этого было не по себе. Что это за существо? И сможет ли Андрей пройти мимо него, когда будет возвращаться?

По мере того как состав набирал скорость, тревога отступила на задний план. Электричка стремительно летела по туннелю, и Андрея целиком охватили волнение поездки. Он чувствовал трепет, в предвкушении чего-то особенного, важного, что ожидало его впереди.

5

Состав шел долго. Андрей несколько раз отключался, как это бывает при смене фазы сна, но когда приходил в себя, то обнаруживал перед глазами все тот же полутемный вагон, стены тоннеля за окном и ощущение стремительного полета в неизвестность. Родные места, откуда он пришел, оставались все дальше и дальше, превращаясь в не существующие

вовсе.

То, что будет остановка, он почувствовал до того, как заскрипели тормозные колодки. Сила инерции легонько потащила Андрея по сиденью против движения. Он ухватился за поручень, глядя в окно. Секунда... другая... и стена тоннеля оборвалась. Электричка проехала сотню метров и остановилась. Двери откатились в стороны. Андрей вышел из вагона и сразу утонул по колено в буйной траве.

Вынырнувшие из-под земли пути закончились посреди огромной равнины, простирающейся от одной стороны горизонта до другой. Она густо поросла травами и цветами. Эту живую массу колыхали порывы ветра, отчего казалось, что перед ним не равнина вовсе, а океан, по которому гуляют волны.

То здесь, то там из океана поднимались загадочные каменные изваяния. Ближе остальных находилась огромная фигура в форме креста, показавшаяся Андрею знакомой. Он где-то видел ее, но не задумался об этом. Он не мог задуматься, не мог вспомнить, потому что у большинства людей во сне сознание дремлет. В этом состоянии человек не мыслит сам, вместо него мыслит *нечто.*

Андрей двинулся в глубь равнины, взрезая коленями волны из трав и цветов. Стрелы солнечного света пробивали грязные кучи облаков, заполонивших небо, и бросали яркие пятна на поверхность растительного океана. Борьба света и тьмы превращала равнину в самое обычное, но в то же время

самое фантастическое зрелище во вселенной.

Андрей шел через поле, ощущая в душе непонятную торжественность. Он оказался в важном, священном месте. В этой равнине было что-то знакомое, родное, словно воспоминания из раннего детства, которые он забыл. Такие места всегда вызывали в нем необъяснимый трепет, притягивали к себе. На Черной речке, где дача родителей, он частенько садился на старый отцовский велосипед и катался по проселкам, любуясь луговыми просторами. Раньше он думал, что это просто преклонение перед стихией пространства. Но теперь понял. Все луга, поля и равнины, когда-либо задерживающие его взгляд, повторяли это место.

Он шел вперед, почему-то зная, куда должен идти. Проплывающие мимо цветы росли в самых безумных сочетаниях. Васильки, незабудки, тюльпаны, анютины глазки, ирисы, колокольчики, чертополох. Встречались даже неожиданные экземпляры вроде нарцисса и лотоса. Казалось, именно здесь у Бога прохудилась котомка, в которой он нес семена, чтобы развеять по свету. Цветов было столько, что их совместный запах мог свалить с ног живое существо столь же эффективно, как нервно-паралитический газ. Только запахов не было. Лишь полпроцента людей чувствуют их в сновидении. Андрей не чувствовал.

У основания каменного изваяния, похожего на крест, цветов росло больше всего.

Через несколько шагов Андрей понял, что видит не со-

всем крест. Скорее, скульптуру человека, расставившего руки в стороны. Он еще раз подумал, что изображение очень знакомо. Он где-то его видел. Нужно запомнить. Обязательно! Человек с расставленными руками...

Порыв ветра разрезал травяной массив, и перед Андреем в густой стене из мятлика и пырея открылась робкая фиалка. Трепещущие от ветра лепестки потянулась к нему, словно взывая о помощи.

Андрей присел на корточки. Провел пальцами по стебельку, отделяя его от полевой травы. Помедлив, дотронулся до лепестков.

Палец порвал пространство словно бумагу. В тот же миг равнина исчезла во вспышке.

6

Вокруг лишь серый туман.

Где он?

Андрей не видел себя в этой мгле. Он попытался двинуть рукой или ногой, но не понял – получилось ли. Такое впечатление, что тело исчезло, остались только глаза. И единственное чувство, слепая привязанность к кому-то. Почти любовь.

Из тумана выплыло женское лицо. Симпатичное. Ей больше тридцати, кожа смуглая... Андрей вдруг понял, что именно к этой женщине относилось его единственное чувство.

Взгляд лица был строгим, недовольным. Губы двинулись,

произнеся рассерженную фразу. Слов он не услышал. Артикуляция была незнакомой.

Лицо женщины исчезло в тумане, но вскоре появилось. Теперь он видел ее до пояса. Длинной ложкой она накладывала в тарелку смесь вареных бобов с фасолью. Вид блюда вызвал в Андрее второе чувство, отвращение. Лицо женщины однозначно намекало, что выражать недовольство не стоит. Он и сам знал, но все-таки что-то сказал. Что? Почему решил, что произнес какие-то слова?

Глаза незнакомки сузились. Нет, он точно что-то сказал, потому что она его услышала. Не успел Андрей опомниться, как женщина размашисто хлопнула его ложкой по руке.

Туман сгустился. Тарелка с бобами и разгневанная женщина исчезли, но перед этим Андрей успел ощутить третье чувство – горькую обиду.

Затем наступил провал.

...Вновь выплыв из тумана, он обнаружил, что движется по незнакомой комнате. Краска на стенах потрескалась, половики в квадратных узорах потерты. На полу валяются плюшевый медведь с оторванной лапой и кукла без глаз. Что находится за окном в мутных разводах, он не видел. Во-первых, дальше пары метров окружающий мир превращался в туман. А во-вторых, Андрей не мог повернуть голову, у него не было для этого шеи.

Странное состояние бессилия. Он не может повернуть голову, не может двинуть рукой, не может почесать нос. Он

движется по комнате, но не управляет телом. Ноги сами несут его к архаичному комоду, а рука без приказа выдвигает верхний ящик...

Снова туман и короткий миг забытья.

Когда туман рассеялся, Андрей обнаружил, что покрывает лаком свои ногти. Он старательно накрашивает каждый, причем опыт в этом деле напрочь отсутствует. Почему у него такая маленькая рука?

И тут он понял!

Закончив с ногтями, руки вновь потянулись к ящику и извлекли из него цепочку с кулоном. Андрей наблюдал за своими действиями с растущим удивлением. Он в образе ребенка. Маленькой девочки.

В комоде украшения и косметика матери, которая строго-настрого запрещает их трогать. Но желание сделать маникюр и примерить пару украшений пересилило запрет. Девочке хотелось выглядеть как мама, почувствовать себя как она – взрослой...

Детские руки расстегнули цепочку, чтобы надеть ее на шею, когда раздался крик. Гневный, страшный. Андрей не услышал его, но почувствовал. Внутри все оборвалось.

В дверях стояла мать. Лицо искажено от бешенства, взгляд прикован к выдвинутому ящику.

Она шагнула вперед и выросла над ним. Андрей понял, что девочка, чьими глазами он смотрит на мир, слишком мала. Наверное, ростом с половину взрослого человека. Жен-

щина бросила какую-то презрительную фразу. Девочка ответила, кажется, извинялась. Андрей не услышал ни слова, но по лицу женщины понял, что это еще больше разъярило ее.

В воздухе мелькнула ладонь, и комната мотнулась в глазах Андрея. От удара загорелась щека. Но сильнее пощечины обожгла обида. Девочка не хотела ссориться с той, к кому была привязана, кого «почти любила».

Когда взгляд поднялся на мать (мать?), стало ясно, что одним ударом дело не ограничится. Мерзавку трясло от ярости: девочка посмела тронуть ее драгоценный лак!

«Не делайте этого!» – воскликнул Андрей, но никто его не услышал.

В руках псевдоматери оказалась цепочка с дешевым кулоном, отобранная у девочки. Она размахнулась, серебристый металл сверкнул в дневном свете. Кулон врезал по затылку, и боль пулей ворвалась в голову.

«Нет! – закричал Андрей. – Прекратите! Стойте!»

Рука поднялась для нового удара. Что делает это стерва? Она же изобьет девочку!

Цепочка хлестнула по пальцам. Женщина метила по ногтям, покрытым лаком. Ее лаком.

Последняя картинка, которая осталась в памяти: взбешенная мегера заносит руку для нового удара. Затем все скрыл туман.

7

Он рывком поднял голову с подушки, мутный взгляд пробежал по стенам спальни. За окном было светло. Дедовский будильник показывал половину пятого утра. Очень рано, но спать больше не хотелось.

Что ему снилось?

Воспоминания быстро таяли. Какие-то подземелья, электричка, поле с нелепыми цветами... Образы потеряли яркость и силу, которыми от них веяло во сне. Больше всего запомнилась девочка. И еще стервозная псевдомать, к которой девочка испытывала привязанность, почти любовь.

– Какой странный сон, – пробормотал Андрей, спустив ноги на пол и нашаривая тапки.

Странный, словно пришедший из сказки. Но ведь традиционные сказки – о потерянных детях и Бабе-яге, о победе над Змеем Горынычем и спасении принцессы – не что иное, как сюжеты и образы сновидений. Обладающие могущественным смыслом и универсальными символами, они вышли из глубин человеческого подсознания, превратившись в легенды и мифы.

Налив воды в кофеварку и высыпав в фильтр полторы ложки кофе – все, что соскреб со дна упаковки, – Андрей снова задумался о своем сне. Фрейдистские подсознательные желания не подходили для его объяснения. Не было в

этом сне и образов скрытых болезней, неврозов, психических расстройств. Хотя если учитывать, что Андрей мечтал иметь семью и детей, а теперь лишился такой возможности, то имелся некоторый смысл в том, что он представляется себе девочкой. Но почему именно девочкой? Почему не мальчиком, к примеру?

Андрей отложил зубную щетку, прополоскал рот, начал бриться. Вокруг рубца он водил лезвием с максимальной осторожностью, но все равно порезался. Из рассечения выступила кровь. Этот шрам встал ему не вдоль лица, а поперек горла! Андрей торопливо добрился, затем промыл ранку одеколоном и залепил полоской лейкопластыря. Посмотрел на себя в зеркало.

Лейкопластырь образовал с рубцом своеобразный крест. Ильин вдруг вспомнил! Не вытерев лицо, он побежал в прихожую.

Прежде чем добрался до пиджака и блокнота во внутреннем кармане, Андрей заметил тетрадку, в которой он записывал показания счетчиков воды и электричества. Раскрыв ее с обратной стороны, Ильин принялся торопливо рисовать фигуру. Пришлось потрудиться, изымая из памяти детали и элементы сновидения: умиротворенное лицо, длинную одежду, расставленные руки. Кончик карандаша сломался, и дорисовывать пришлось огрызком.

Андрей оторвался от наброска. Что это? Образ был знаком, до боли знаком, кажется, протяни руку – и поймешь. И

все-таки воспоминание не давалось, изображение никак не увязывалось с названием.

Вырвав лист с рисунком из тетрадки, он аккуратно сложил его и убрал в блокнот – туда же, где находилась характеристика на снотворное. На работу Андрей отправился на час раньше обычного. От метро до больницы шел пешком, вдыхая утреннюю прохладу и продолжая думать о странном сне. Он был уверен, что статуя является ключом к разгадке сновидения.

Проблемы, мучившие его вчерашним днем, даже не вспомнились.

Глава пятая
ПРЕПАРИРОВАНИЕ СНОВИДЕНИЯ

1

Альбина Багаева, пришедшая в отделение за полчаса до начала рабочего дня, обнаружила приоткрытую дверь в смотровой кабинет. Заглянув внутрь, она нашла там Андрея. Он сидел на кушетке, ноги в ботинках закинуты на столик для инструментов, в руках раскрытая книга «Душа и миф» Юнга.

– Доброе утро, Андрей Андреевич!

Андрей оторвался от книги, снял ноги со столика:

– Привет, Альбина.

– Давно вы здесь?

– Не очень. А ты что так рано?

Ильин невольно залюбовался ею. Девушка выглядела под стать утру – солнечной, свежей. Вороные волосы перетянуты алой косынкой, в ушах скромные золотые сережки, почти никакой косметики на лице – ее глаза и губы и без того были выразительными.

– Я всегда так прихожу. Почему вы читаете Юнга?

– Не могу разобраться в своем сне. Вот послушай. Мне приснилось, будто я путешествую на поезде по подземным

тоннелям. Он привозит меня на какую-то равнину, после чего я оказываюсь в теле ребенка. Девочки. Некая женщина кормит меня бобами, бьет ложкой по рукам, наказывает за то, что я использовал ее лак, чтобы покрасить ногти, – в общем, ведет себя как порядочная стерва.

Андрею показалось, что Альбина почувствовала себя неловко, когда он описывал мешанину собственного подсознания. Она стянула косынку с головы, прямые упругие волосы рассыпались по плечам.

– Она похожа на вашу мать?

– Я понял, о чем ты. Сновидение может замещать лица близких, представляя их чужими людьми, чтобы не травмировать психику. Возможно, возможно, это моя мать. Но во сне она смотрит на меня так, будто я ничто, пустое место. А я, наоборот, жизни без нее не представляю.

Сунув Юнга под мышку, он встал с кушетки:

– Ладно, ты не забивай себе голову. Это мои тараканы, как-нибудь сам с ними разберусь.

Альбина не двинулась с места, задумчиво накручивая локон на палец.

– Андрей Андреевич, – серьезно сказала она, – а не хотите обследоваться на Столе?

– Зачем? Нет. Вообще, выкинь из головы то, что я рассказал.

– Извините, не выкину, – упрямо произнесла девушка. – Я думаю, вы легкомысленно относитесь к своим снам.

– Неправда! – возмутился он.

– Вы даже не записали свой сон! Я уверена, что у вас и тетради для записи снов нет, потому что вы убеждены, что все равно вам ничего не приснится. А если даже приснится, то в этом не будет ничего особенного – все равно сны ваших пациентов куда занимательнее.

Она попала не в бровь, а в глаз. Только сейчас Андрей понял, насколько она права. Девушка словно просветила его рентгеном.

– А я полагаю, что это серьезный сон, – продолжала Альбина. – Вы относитесь к нему с пренебрежением потому, что привыкли так поступать. Но хотя бы один раз попытайтесь сделать иначе. Все-таки у вас была травма. Давайте проведем сомнологическое обследование.

– Пустая трата времени. Ничего не выйдет.

Альбина ответила многозначительной улыбкой.

– Многие не верят в силу сна... Не помните, кто это говорил?

Андрей покачал головой. Так говорил он сам.

– Возможно, я бы и лег на Стол, но график его работы расписан на две недели вперед. Пульмонологи дали рекламу по городскому каналу, и теперь к ним ломятся желающие избавиться от храпа. Расписан каждый час.

– Правильно, каждый час, – ответила Альбина, пристально глядя на него, – кроме ночи... Можно прямо сегодня.

– Что – сегодня?

– Снять параметры вашего сна.

Когда она это сказала, Ильин понял, что не отвертится. Багаева не только видела его насквозь, но и могла ответить на любой вопрос. Эта девушка только на первый взгляд кажется застенчивой. В ней был внутренний стержень. Она станет замечательным врачом.

Андрей усмехнулся, пытаясь скрыть волнение:

– Кто нас пустит туда ночью? Отделение функциональной диагностики ночью запирается на ключ.

– Я договорюсь, у меня там знакомые.

– Ну а показания-то кто будет снимать?

– Я.

– Ты не работала с этой аппаратурой.

– Вы мне покажете.

Ему больше нечего было возразить, хотя очень хотелось.

2

День прошел напряженно. После относительно спокойной недели и полупустых палат в отделение вдруг хлынули больные, требующие неврологической помощи. Врачи осуществляли прием как на конвейере. Сестры носились по отделению словно угорелые и все время рассыпали по полу медикаменты. Перельман где-то потерял свою трубку и грыз карандаш, отчего очень злился – тот не пах табаком. Багаеву Андрей видел только мельком: ее посадили заполнять элек-

тронную базу данных по новым пациентам. Он надеялся, что работа заставит девушку забыть об утреннем разговоре. Сегодняшней ночью экспериментов на Столе не будет. Этим стоит заняться, когда спадет наплыв. Например, через неделю. Лучше, через месяц. А еще лучше – никогда.

К концу дня он убедил себя, что решительно посоветует Багаевой не заниматься ерундой и сегодняшним вечером сходить в кино со своим парнем. Андрей не сомневался, что у нее есть друг (у такой симпатичной девушки должен быть), хотя почему-то надеялся на обратное. В общем, около шести, когда уставшие врачи собирались домой, он тоже стал переодеваться. Но еще до того как врачебный халат устроился на плечиках вешалки, Альбина неожиданно выросла перед ним.

– Я договорилась с Савинской, – сказала девушка. – Она обещала пустить нас в отделение около девяти. Вы пока можете куда-нибудь сходить, а мне надо с базами закончить. Встретимся в девять у комнаты сна, ладно?

Ильин тяжело вздохнул. План вселенской важности – прийти домой, повалиться на диван и жалеть себя без конца – обрушился к чертовой матери.

– Андрей Андреевич?

– Ладно-ладно! – чересчур резко ответил он, напугав Альбину.

До девяти оставалось три часа. Возвращаться домой смысла не было. Андрей решил прогуляться. Он поехал на Петро-

градский остров, где бродил по набережной и Александровскому парку, ежеминутно поглядывая на часы. Время тянулось убийственно медленно, но раньше условленного срока возвращаться в больницу не хотелось. Зачем показывать, что у него больше нет никаких занятий в жизни. Пусть Багаева думает, что он сейчас страшно занят бытовыми делами, а исследование сегодняшним вечером – так, баловство, которое отрывает его от этих дел.

В начале девятого «страшно занятый» доктор Ильин уже топтался возле больницы, а без пятнадцати девять вошел в здание.

Коридор отделения функциональной диагностики был темен и тих. Лишь в дальнем конце из приоткрытой двери лился свет.

В сомнологическом кабинете кроме Альбины, к своему удивлению, он обнаружил Савинскую. Медсестра сидела за компьютером, ловко раскладывая карточный пасьянс. Странно, он-то думал, что Ольга только даст ключи от отделения.

– Ага, вот и он! – сказала Савинская, не отрываясь от экрана. – А ну-ка изложи, Андрей, свою версию, чем вы тут собираетесь заниматься ночью?

Багаева густо покраснела, только скулы остались белыми.

– Это не то, о чем ты думаешь, – сказал Андрей.

– Мы хотим исследовать сны Андрея Андреевича, – продолжила Альбина.

Савинская бросила пасьянс и повернулась в кресле:

– Да вы что! Доктору Ильину снится кошмар о том, как Кривокрасов заставляет его сертифицировать лекарства? Что снится-то?

– Ерунда это, Ольга, – смущенно пробормотал Андрей. – Шла бы ты домой, а мы тут с Альбиной разберемся.

– Ни за что. Разберутся они! – Савинская закрыла пасьянс – Полагаете, я упущу шанс понаблюдать за кошмарами самого доктора Ильина?

Андрей огорченно подумал, что теперь ему придется засыпать под наблюдением двух женщин, а это вряд ли ускорит процесс, даже после долгой прогулки на свежем воздухе. Затея ему нравилась все меньше. Он бы с удовольствием сбежал сейчас от Багаевой и Савинской, но это станет настолько позорным поступком, что на следующее утро будет невозможно показаться людям на глаза.

Ольга встала из кресла и включила свет в комнате пациента. Из тьмы возникла расправленная кровать, при виде которой у Андрея почему-то ощутимо забилось сердце. Савинская тем временем стала запускать аппаратуру. Запищала оживающая электроника, загудели вентиляторы, заморгали цепочки светодиодов. Андрей по привычке двинулся к монитору, но путь к нему преградила Альбина.

– Вам не сюда, – мягко напомнила она.

Недовольный, Ильин вошел в комнату с кроватью. Пока снимал пиджак и рубашку, рядом незаметно появилась Са-

винская.

– Ты должна отвернуться, – сказал он, садясь на кровать.

Ольга усмехнулась уголком рта:

– Это еще зачем?

– Мне нужно снять штаны.

– А как прикажешь датчики мышечной активности крепить? С закрытыми глазами?

Она была права. Андрей со вздохом оглянулся на видеокамеру.

– Я не смотрю, – раздался из динамиков голос Багаевой.

Андрей снял ботинки, носки, брюки, вытянулся на кровати в одних трусах. Савинская надела ему на голову шапочку с электродами, затем стала быстро крепить датчики на тело и лицо.

– Готов, – заключила она, накрывая одеялом опутанного проводами Андрея.

– Все равно не усну, – упрямо заявил он.

– Это мы еще посмотрим. Тебе поставить Чайковского или Глинку?

– Поставь «Рамштайн».

– Будешь хамить, не получишь сладкого.

Она ушла за перегородку в техническую комнату, оставив его в одиночестве.

«Я не усну на Столе, – подумал Андрей. – Я не могу спать в чужом месте. Да еще опутанный проводами... как киборг».

Из динамиков раздалась тихая музыка. Савинская все-та-

ки включила Чайковского, вот упрямая!

Он стал вспоминать, кто придумал термин Стол для кровати, на которой проводилось исследование. Возможно, автора не было. Название пошло по аналогии с хирургией, где проводят операции на хирургическом столе. «Мы в своем роде тоже режем пациентов, чтобы заглянуть внутрь, – подумал Андрей. – Только не скальпелем, а сновидениями».

Нет, ему не уснуть. Андрей полежит еще минуту, потом встанет, оденется, соберет деньги за представление и отправится домой. Завтра на работу, где у него много дел... А каких дел? Настоящие дела у Ковальчука в новой лаборатории. У Андрея так, мелкие делишки.

3

– На ЭЭГ альфа-ритм меняет амплитуду, – сказала Альбина. – Пульс и дыхание прежние.

– Расслабленное бодрствование, – определила Савинская. – Это неплохо. Сейчас потерзает себя мыслями, а готом уснет. Все себя так ведут.

4

«Ни черта я не усну, – думал Андрей. – Вообще, что я здесь делаю? А если сюда кто-нибудь заглянет? Дежурный врач или кто-то из охраны? А я лежу на Столе похрапываю.

Жуть! Интересно, я храплю? Анжела вроде не жаловалась. Вот будет стыдоба, если я захраплю перед двумя молодыми женщинами!»

Его мысли почему-то переключились на воспоминания о даче родителей на Черной речке. Интересно, обшил ли отец дом изнутри? Вряд ли. До травмы Андрей иногда помогал ему, но, когда оказался в коме, помогать стало некому. Правда, есть дядя Слава, брат отца. Вместе они могли закончить дом. Если это так, то где-то под полом наверняка осталась целая батарея пустых бутылок... А мама наверняка все свободное пространство на участке засадила кустами. С ней приходится воевать из-за каждого пятачка. Скоро негде будет машину поставить... Стоп! У него же нет машины.

Картинки садового участка и недостроенного дома поплыли куда-то, закружились...

5

– О! – сказала Савинская, взглянув на монитор. – Я же говорила.

– Что? – спросила Альбина.

– Альфа-ритм постепенно исчезает, появляются тета-волны, расслабленность переходит в сонливость... так, дельта-ритм, около трех герц... начинает преобладать. Пульс замедлился, давление упало, частота дыхания снизилась... Ну вот пожалуйста, он спит.

– Уже спит? – удивилась Альбина.

– В умеренно глубоком сне, медленная фаза.

– Долго ждать быструю фазу?

– У всех по-разному, – пожала плечами Савинская. – Посмотрим... Ты погляди! Да наш Андрюша храпит!

Альбина задумчиво посмотрела на экран, на котором Андрей старательно и звучно выдувал воздух через рот.

– Храп – это нехорошо, – сказала Ольга.

– Обструктивное апноэ?

– Да. Во сне может случиться задержка дыхания. Сейчас проверим. – Она вывела на экран графики. – Воздушный поток постоянный, кислород не падает, всплесков на ЭЭГ не видно. Пока проблем нет, но храп нужно лечить.

Прошло около часа. За это время Савинская обежала отделение, проверяя, все ли в порядке. Когда она вернулась, на графике движения глаз появился всплеск.

– Наступает? – спросила Альбина.

Савинская кивнула, опускаясь в кресло.

– Так, пульс начал расти, давление повышается, мышцы отрубились... энцефалограмма показывает, что он бодрствует, но это далеко не так. Видишь, как задвигались глаза? Сейчас перед его мысленным взором проносится череда картинок... Все, Андрей в быстрой фазе, характерной для сновидений. Что вы хотели выяснить?

– Пока не знаю.

6

На этот раз не было избы на берегу реки. Андрей оказался внутри недостроенного садового домика родителей. Причем недостроен он был больше, чем в реальности. Сквозь бреши в стенах обозревалась территория участка и поле за ним. Андрей стоял на бревнах, на которые должен стелиться пол, метром ниже торчала сухая трава. В реальности пол давно постелен, отец и Андрей закончили его еще год назад. Точнее, два года – он не посчитал время, проведенное в отключке.

За единственной возведенной стеной стучал молоток отца. Удары передавались всему деревянному каркасу.

«Папа?»

«А, приехал, сынок!» Голос отца хрипел. Капитан второго ранга в отставке Андрей Федорович Ильин посадил связки во время службы – ледяной балтийский воздух и дешевые папиросы. После употребления холодного пива хрипота становилась особенно заметной.

«Дяде Славе пиво останется?»

«Ишь экстрасенс выискался! – Отец усмехнулся. – Подойди-ка лучше, подержи доску. Горбыль попался, зараза».

Андрей перепрыгнул с одного бревна на другое и оказался за стеной, на будущей кухне. Два окна в солнечный день зальют ее светом. Мама настелет зеленый половик, повесит

зеленые полотенца. Она любит все зеленое...

Путь с кухни в прихожую преградила дверь. Языческая резьба на ее поверхности внушительно выделялась на фоне простецкого дачного стиля. Расслабленность сразу исчезла, Андрей напряженно вздохнул.

«Па-ап?» – позвал он.

«Я здесь!» – откликнулся Андрей Федорович из-за двери.

«Где – здесь?»

«Андрейка, – рассердился отец, – хватит гнать лодыря! Открой дверь и войди!»

Ильин-младший, задетый словами отца, потянул за ручку. В ту же секунду голос исчез. В проеме стояла холодная тьма, знакомые ступени уводили вниз. Из глубины доносился далекий шум электропоезда. Кажется, Андрей когда-то ездил на нем.

7

– Давление падает, – заметила Савинская, глядя на экран. – Он в фазе сновидений, вроде должно расти, а оно падает. Странно.

Она уставилась на изображение, поступающее с видеокамеры. Объектив полностью охватывал кровать пациента. Андрей лежал на спине, закрыв глаза и натянув одеяло до подбородка так, что сверху торчали только фаланги пальцев. Савинская задумчиво поправила волосы.

– Почему лицо такое белое? – спросила она.

Альбина вопросительно глянула на изображение. Савинская стукнула по клавишам, увеличивая картинку. Чтобы определить причину, ей понадобилась пара мгновений.

– Да он замерз как ледышка!

– Насколько я помню из инструкции, в комплекте полисомнографа есть датчик измерения температуры.

– Обычно мы его не ставим. Но сейчас поставлю.

Савинская вышла из комнаты. Через несколько секунд Альбина увидела ее на экране. Медсестра подошла к кровати, выделила из пучка проводов один, затем склонилась над спящим доктором, крепя датчик на тело.

Вернулась она нахмуренная.

– В самом деле ледяной, – сказала она, щелчком тумблера включив усилитель. Багаева взволнованно выпрямилась в кресле.

На экране среди физиологических параметров появился новый. После недолгого роста температура тела остановилась на тридцати четырех градусах. Они зачарованно ждали, что показания повысятся еще, когда компьютер вдруг негромко пискнул. Цифры показывали, что участилось дыхание, а пульс подскочил на двадцать ударов в минуту. Андрей вздрогнул и страдальчески охнул.

Савинская, закусив губу, внимательно следила за графиками. Прошло не меньше десятка напряженнейших секунд, каждая из которых отпечаталась в памяти Альбины.

– Кажется, миновало, – произнесла Савинская. Очень осторожно произнесла.

Давление восстановилось. Но температура тела выше тридцати четырех градусов подниматься не желала.

8

Холод стоял зверский. Тонкий халат совсем не грел. Андрей пожелал, чтобы он превратился в толстый овчинный свитер, но ничего не вышло. Исполнитель желаний был сегодня в отгуле.

Лестница, находившаяся за дверью, спустила Андрея в зал подземной станции, разделенный светом и тьмой. Последней стало чуть больше, хотя, возможно, это иллюзия. Взглянув на зал, он сразу вспомнил его – и античные колонны, и арочные проемы, и мраморный пол. С прошлого раза зал нисколько не изменился... С прошлого раза? А когда он был здесь?

Он был здесь в прошлом сне.

Эта мысль поднялась из общего мутного потока в голове, позволив впервые задаться вопросом: так, значит, я сплю? Ответ тут же породил множество других вопросов. Почему его подсознании монументом стоит образ подземной станции? Почему она не меняет форму, как это обычно бывает снах? Что она, в конце концов, означает? Его сознание интенсивно заработало, оно *просыпалось*. Достигнув мысли-

тельной активности дня, мозг вспомнил бы образы прошлого сновидения и понял бы их смысл. Он мог бы связать события сна и реальности, он мог бы совершить невероятно много... Но Андрей так и не успел проснуться, поскольку глаза-предатели вдруг наткнулись на электричку.

Она стояла у края платформы. В проеме стены просматривались очертания вагонов. Они ждали именно его, никаких сомнений, потому что он должен вернуться в Санкт-Петербург. У него там скопилось множество бытовых дел... Зародившаяся попытка включить сознание моментально растаяла в слепом желании прокатиться. И он уже не помнил, о чем думал полминуты назад, до того как двинулся к вагонам. Сон опять прочно держал его в узде, Андрей снова не мог думать самостоятельно.

Заработал тяговый электродвигатель, электричка загудела, готовясь к отправлению. Он юркнул в двери и, уже оказавшись в вагоне, вспомнил о существе, прячущемся во тьме зала. Хорошо, что в этот раз оно не проснулось. Не было никакого желания видеть его снова, слышать жадное дыхание, лицезреть фигуру, отрыжку мерзостного мрака.

Створки сошлись почти без звука.

Состав плавно потянуло вперед.

Подземный зал за окном поплыл. Андрей взволнованно сложил руки на коленях. Путешествие в недра за дверью началось!

9

Изменение электроэнцефалограммы было внезапным и сокрушительным. Динамики запищали, призывая к активным действиям, но медсестра с юным ординатором прирос-ли к креслам, не веря глазам.

– Боже мой, что это? – с ужасом произнесла Ольга. – Что это?

– Наверное, датчики вышли из строя, – пролепетала Багаева.

– Буди его.

– Что?

– Буди Андрея!

Альбина выскочила из технической комнаты и рванула на себя дверь в комнату пациента. Попытка оказалась неудачной. На секунду она растерялась, но бегущая следом Савинская, оттеснив девушку, распахнула дверь:

– Андрей!

– Доктор Ильин!

Савинская стала трясти его за плечо. Голова в резиновой шапочке с электродами безвольно моталась по подушке. Он не просыпался. Стоящая с другой стороны кровати Альбина Багаева побледнела.

– Это я уговорила его, – обреченно прошептала она.

– Андрей!

Ольга несколько раз тяжело ударила Ильина по щеке ладонью. На белой коже осталось красное пятно. Сон не отпускал. Впервые за много лет опытная медсестра растерялась. В голове крутилось, что напрасно она согласилась на ночные эксперименты, хотя что в них было недозволенного? Нужно было лишь снять параметры сна. Кто мог предположить, что мозг исследуемого будет вытворять такое!

– Что с ним? – спрашивала Багаева, едва не плача.

Савинская не ответила, проверив пульс на сонной артерии. Пульс был. Тогда она надавила ногтем на фалангу указательного пальца. Приподняла веки, заглянув сначала в левый зрачок, затем в правый. Повернула голову Андрея в одну и в другую сторону. Рефлексы присутствовали. Даже зрачки двигались, словно он продолжал видеть сновидения. Но тогда что за белиберду показывает ЭЭГ?

– Давайте вызовем врача из приемного! – в отчаянии предложила Альбина.

– Лучше беги в операторную и посмотри, будут ли изменения сейчас.

– А как же...

– Беги, говорю!

Багаева исчезла. Савинская заглянула в лицо спящего:

– Что за игры ты с нами играешь Андрей Ильин? Вот только очнись, я тебе устрою...

Направив ему в глаза настольную лампу, медсестра пощелкала выключателем, затем пощелкала пальцами над его

ухом, несколько раз громко позвала, потыкала булавкой запястья. Багаева, следившая за показаниями датчиков, ответила по внутренней связи, что на электроэнцефалограмме без изменений. Внешние раздражители до Андрея не доходили. Его мозг погрузился в такой глубокий сон, что вряд ли кто-то в этом мире был способен вытащить его оттуда.

– В приемном ведь не смогут помочь, – виновато сказала Альбина, когда вернулась к кровати.

– Там не боги работают. – Савинская в отчаянии потрясла Андрея за плечо. – Ну давай же, очнись! Где ты, Андрей?

10

В себя он пришел на равнине, поросшей буйными травами. Электричка, которая его привезла, стояла позади, а прямо перед Андреем в небо поднималась статуя, расставившая руки в теплом приветствии. Он некоторое время разглядывал ее, затем достал из кармана рисунок. Конечно, тот листок он положил в пиджак, а сейчас на нем был врачебный халат, но Андрей не ощутил разницы. Во сне отсутствовали практически все воспоминания о реальности. Он просто подумал, что когда-то рисовал эту статую, и рисунок тут же обнаружился в халате.

По сравнению с оригиналом рисунок выглядел столь же примитивным, как наскальные изображения пещерных людей. Но теперь Андрей неожиданно понял, где видел эту ста-

тую. Ее изображение попадалось ему в одной из книг. Он даже точно знал, в какой именно, потому что она есть у него дома. Самое главное – вспомнить об этом позже. Тогда он поймет, что с ним происходит...

Что-то заставило его опустить глаза.

Среди зарослей тимофеевки торчала одинокая фиалка. Маленькая, жалкая... Он протянул к ней руку, сам не зная зачем. И едва пальцы коснулись лепестков, как мир поглотила яростная вспышка...

11

Его окутывал туман, в котором не было ни плоти, ни воспоминаний, ни мыслей, ни самого Андрея. Абсолютная пустота. Невидимый ветер стал ее развеивать, открывая комнату. Под потолком лампочка, висящая на проводе. В стенах трещины, дыры на месте отвалившейся штукатурки. Знакомый интерьер. Здесь ему досталось кулоном по голове.

Эта крошечная ассоциация потянула за собой воспоминания, отдававшие обидой и унижением. Впрочем, что теперь об этом думать? Все растворилось в унылом занятии, в которое он был погружен с головой.

В его детской руке находился кусочек фланели (лак на ногтях неаккуратно соскоблен). Он макает фланель в большую желтую банку, в которой... да, растительное масло. На этикетке красное сердечко и название из трех букв на незна-

комом языке. На другую руку надета взрослая лакированная туфля. Он сидит на полу и смазывает туфлю маслом, затем откладывает фланель и уже кусочком бархата усердно трет каждый миллиметр кожи. Когда появляется блеск, он трет еще усерднее, потому что туфли должны иметь не просто блеск, а *неземной* блеск.

Андрей попытался повернуть голову, чтобы заглянуть в окно, но не смог. Это не в его власти. Перед глазами лишь половые доски, банка масла и туфля. Чуть позже он увидел вторую туфлю, стоящую за банкой. Рядом еще одни туфли, темно-синие. И еще малиновые. И черные замшевые сапоги в засохших пятнах грязи, с ними придется повозиться дольше туфель.

Тощая детская грудь, обтянутая бежевой тканью сарафана, поднялась и опала, испустив грустный вздох. К унынию добавилась безысходность. Руки отложили туфлю, взгляд осторожно повернулся к распахнутой двери. За ней находился полутемный коридор. В коридоре никого. Хорошо.

Пальцы вытащили из пола кусок половицы. В маленькой нище под ней, словно в маленькой могилке, лежала старая, потрепанная кукла с длинными темными волосами, в светлом платьице и красных туфельках. Такое впечатление, что ее нашли на свалке, но потом отмыли, причесали, заштопали платье.

Пальцы, лак на которых, пожалуй, скребли бритвой (на фалангах остались порезы), достали куклу. Это дешевая иг-

рушка, но она почему-то ему дороже всего на свете. Руки перевернули куклу, расстегнули платье на спине. Под тканью обнаружилась плотная бумага. Сложенная вдвое фотография. Пальцы вытаскивают, разворачивают...

На измятом черно-белом снимке запечатлена молодая женщина с мягким лицом и невыразимо добрыми глазами. Нет, не она накладывала в тарелку бобы, избивала цепочкой и соскребала лак с ногтей. Кто угодно, но только не она. При взгляде на эту женщину Андрей чувствовал не обиду, а безутешную печаль.

На половые доски упала капля. Еще одна угодила на фотографию. Девочка торопливо стерла ее локтем, смахнула слезы и поцеловала изображение женщины прямо в эти добрые глаза. Убрала фотографию назад, под платье куклы. Застегнула пуговицы и еще раз поцеловала уже куклу.

Это мать девочки.

Теперь Андрей не сомневался. С ней что-то случилось, что-то непоправимое, и теперь она бесконечно далека от своей дочери. А та попала к стерве с полным гардеробом щегольских туфель, но без капли жалости в душе.

Тоненькие ноги куклы опустились в туфли, для нее похожие на великанские. Она стояла в них словно в двух сдвинутых вместе лодках, без страха взирая на необъятное пространство, открывающееся перед ней... Андрей испытал щемящую грусть. Ему захотелось отправиться в большое путешествие, как можно дальше от этого унылого дома. Ему

нестерпимо захотелось шагать куда-то, открывать новые города, разглядывать большие дома, может быть, отыскать великое чудо...

Лампочка под потолком вдруг потухла, и комнату окутал сумрак. Андрей ощутил испуг девочки. Она хотела вернуть куклу в тайник, но не успела – в коридоре возникла владелица туфель (теперь ясно, что не мать, Андрей условно назвал ее «мачехой»). Увидев мачеху, девочка занервничала, заметалась. Кукла нашла временное прибежище под сарафаном.

Вместо того чтобы войти в комнату, мачеха осталась в коридоре, и вскоре рядом с ней появился высокий мужчина, одетый в комбинезон. За их спинами мир скрывался в туманной дымке. В опущенной руке мужчина сжимал какой-то инструмент, кажется кусачки. Мачеха ссорилась с ним.

Она что-то агрессивно говорила и энергично жестикулировала. Мужчина в ответ отрицательно качал головой, почти не меняя выражения лица, и это в конце концов разозлило женщину. Она схватила его за рукав и стала чего-то требовать. Мужчина вырвал руку, гневно ей ответил и ушел.

Взгляд девочки опустился к туфле и кусочку бархата, порхающему по ее носку. Андрей очень надеялся, что мачеха уйдет. Боже, сделай так, чтобы она не входила в комнату! Он замер, надеясь, что желание исполнится. Но вместо облегчения почувствовал внутри себя нарастающие удары, словно маленькие сотрясения мозга – нервная реакция девочки на приближающиеся шаги.

Сначала он увидел ноги. Они прошли по комнате взад-вперед, затем остановились рядом. Тонкая рука, украшенная кольцами и перстнями, подняла одну из туфель. Девочка прекратила работу и, скосив глаза, следила за мачехой. То, что она увидела, не понравилось Андрею.

Разговор с человеком в комбинезоне взвинтил женщину до крайности. Она была оскорблена, унижена и бесилась из-за этого. Лицо выглядело нервным, даже больным. Андрея привел в ужас мстительный взгляд, с которым она оглядывала туфлю.

Она надела туфлю на ногу, придирчиво осмотрела. И гневно ткнула пальцем в направлении задника. Ничего особенного там не было, всего-навсего прилипшая нитка. Возможно, она сама ее посадила... Женщина что-то жестко произнесла – Андрей опять не разобрал ни слова. Попытался прочесть по губам, но артикуляция была непонятной, чужой.

Рука девочки покорно протянулась к туфле, чтобы снять паршивую нитку. Сарафан расправился, и из-под него вывалилась кукла... Вот тут Андрей перепугался не на шутку. Или перепугалась девочка? Какая разница, если они испытывают одни чувства.

При виде игрушки лицо мачехи потемнело от гнева. Не сводя глаз со своей падчерицы, она подняла куклу. Вопросительно потрясла ею в воздухе. И резко, с размахом швырнула об пол. Сердце девочки, одно на двоих, болезненно сжалось, когда заветная подруга врезалась в половые доски, ко-

гда пластмассовая рука и красные туфельки отлетели в стороны. Не страшно, туфельки и руку можно вернуть на место. Только бы этим все закончилось!

Но все только начиналось.

Расправа показалась женщине недостаточной. Ее глаза гневно сверкнули, и крепкий каблук с силой опустился на спину несчастной игрушки, впечатывая ее в половицы. Голова с заботливо расчесанными волосами отлетела, точно из-под ножа гильотины. Туловище, облаченное в выглаженное и заштопанное платье, лопнуло. Узкий носок мачехиной туфли поднялся над откатившейся головой. Завис над ней. И опустился.

Андрею показалось, что хрустнул его собственный череп.

Комната опрокинулась, и ее быстро стал затягивать туман, состоящий из пустоты. Взорванные болью чувства девочки провалились куда-то, и Андрея охватило забытье.

Он очнулся на пыльном сиденье в пустом вагоне. За мутноватым окном проносились стены тоннеля. «Я возвращаюсь», – подумал он и вновь отключился. В следующий раз Андрей осознал себя уже на ступенях лестницы перед дверью. Он открыл ее и вышел в недостроенную родительскую дачу. Правую сторону лица вдруг резко обожгло, словно он прижался щекой к раскаленному утюгу...

12

Когда он открыл глаза, над ним нависали лица Савинской и Багаевой. Вид у них был такой, словно Андрей был в чем-то виноват и от него ждали объяснений. Он не знал, что ответить. После сна тело казалось разбитым. Ныла голова с правой стороны. И почему-то горели щеки.

Он поднял руку, чтобы их пощупать.

– Не трогай, – сказала Савинская, – это я тебя.

– Что – ты меня?

– По щекам хлестала.

– Зачем? – искренне удивился Андрей.

– Захотелось. – Ольга обменялась взглядом с Багаевой.

Ильин сел на кровати, свесив ноги и сорвав несколько датчиков. Черт, совершенно забыл про них. Альбина спешно отвернулась, потому что сброшенное одеяло обнажило нижнее белье.

– Погоди, – произнесла Савинская. – Дай хоть датчики сниму.

Она расстегнула шапочку с электродами, стала отдирать лейкопластырь, крепящий датчики к лицу и телу.

– Как вы себя чувствуете, Андрей Андреевич? – спросила Альбина.

– Погано. Кофе хочется... Как там мои показатели?

– Сейчас увидишь свои показатели, – язвительно ответила

Савинская.

Она отлепила последние датчики. Андрей поднялся. Гудела голова. Он оделся и прошел в техническую комнату.

Показания неподключенных датчиков на мониторе отражались прямыми нитями. Багаева и Савинская остановились в дверях, наблюдая за Андреем.

– Что? – спросил он, оглянувшись на них.

– Глянь на график ЭЭГ, – сказала Ольга. – Не пожалеешь.

Глаза слипались. Затылок ныл. Какая неудобная кровать в сомнологическом кабинете!

Он переключил графики на эпизод, соответствующий моменту пробуждения. Колебания БДГ-сна почти незаметно переходили в альфа-ритм бодрствования. Здесь он проснулся.

– Не на это смотри, – сказала Савинская, – вернись на экран раньше и поставь масштаб графика на час.

Андрей дважды щелкнул мышкой. И остолбенел.

Признаться, ложась в кровать и натягивая на себя одеяло, он не ожидал результатов. Особенно таких! Да и кто мог ожидать?

График ЭЭГ демонстрировал эпизод начала сновидения. Густые колебания длились около двух минут, после чего их обрывала... нет, глаза не обманывали. Их обрывала прямая линия. Прямая. Обычно такую дает мозг, расставшийся с баловством под названием «электрическая активность».

Мертвый мозг.

– Мы не могли вас разбудить, Андрей Андреевич, – извиняющимся тоном произнесла Багаева.

– Тут какая-то ошибка, – ответил он, – очевидно, был сбой в аппаратуре.

– Нечего на аппаратуру пенять, – сказала Савинская. – Аппаратура работала. Просто обычные люди ночью спят, а ты проваливаешься в кому.

Глава шестая
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ

1

Круглые настенные часы показывали половину второго ночи. На стоп-кадре стояло бледное лицо спящего Андрея. Губы и шрам синие, словно нарисованы восковым карандашом.

– Вы утверждаете, что температура во время сна опустилась до тридцати четырех градусов? – произнес Андрей, хлебая кофе из чашки и ежась от изображения, на котором он был похож на покойника.

Савинская расположилась в кресле, эффектно закинув ногу на ногу. Альбина присела на краешек стола, выглядела измотанной.

– Это не мы утверждаем, – ответила Ольга, массируя шею, – «Сагура медицинтехник». Взгляни на показания датчика в самом низу.

– Вижу! – расстроенно ответил он.

– Не это главное, Андрей. На твоем месте я бы обеспокоилась, почему у меня в середине сна электрическая актив-

ность мозга падает на ноль. Почему целых двадцать восемь минут ЭЭГ тянул нитку вместо традиционных ритмов.

– Все-таки это ошибка. – Он неловко усмехнулся. – Скорее всего, ошибка. Произошел сбой в аппаратуре. Всякое бывает. Помнишь, как мы дивились на Фролова, я даже собрался статью написать по данным его ЭЭГ. А оказалось, что двумя этажами ниже работал аппарат электросварки, дающий наводки через заземление...

– Три датчика из двадцати я проверила на себе. Прикладывала к своему лбу – и показания оживали. Прикладывала к твоему – и они падали на ноль.

Багаева подтверждающе кивнула. Ее клонило в сон, но девушка с нетерпением ждала рассказа Андрея.

– На твоем темени показаний не было, а на моем лбу были, понимаешь? Цепь измерения ра-бо-та-ла. И потом, объясни мне, неразумной женщине, почему мы не могли тебя разбудить? Объясни. Не можешь? А я могу. Твой сон перевел тебя в состояние классической комы. Сердце и легкие работают, мозг в отключке. Сознание покинуло плоть, где-то путешествовало двадцать восемь минут, а теперь сидит напротив меня и утверждает, что произошла ошибка.

Андрей ошеломленно смотрел на экран.

– Хочешь сказать, что мой сон отделяет сознание от тела?

– Мне все равно, что у тебя там отделяет. Меня волнует, почему это произошло в тот момент, когда я пустила вас в отделение без разрешения заведующей! А если б ты ласты

склеил?

– Ольга, ну прости! – Андрей задумчиво листал графики, поглаживая изувеченную скулу. – Хм, интересно. Оказывается, во время комы у меня двигались зрачки, будто я продолжал находиться в фазе сновидений... Откуда они получали сигнал, если мозг не проявлял активности?

– Что вам снилось? – спросила Багаева.

– Я опять находился в теле девочки. Она чистила туфли, вероятно, своей мачехи. Потом в комнате погас свет. Мне стало жутко, точнее, девочке стало жутко. Потом пришла мачеха, вне себя от ярости. Она искала на ком ее выместить и раздавила единственную куклу девочки.

Темные глаза Багаевой широко раскрылись. Ему показалось, что она восприняла услышанное чересчур близко к сердцу.

– До того как исчез сигнал, у тебя участился пульс, – сказала Савинская. – Ты испытал страх. Ты испугался, что мачеха раздавит куклу этой девочки?

– Нет, девочка мне снилась в конце. Что же было в начале?

Андрей задумался. Чего он испугался? Потухшей лампочки? Нет. Что было до нее? Поезд, станция...

Стоп!

– Когда я садился на поезд, то вспомнил о существе на станции.

– Какой станции? – спросила Савинская.

– Каком существе? – спросила Багаева.

Каждое новое воспоминание давалось с трудом. Андрей выуживал их из подсознания словно нить из спутанного клубка.

– Станции, на которую я попал, открыв дверь. Эта дверь... Я не раз слышал о ней, изучая сновидения больных. Никто не мог войти в нее, но мне удалось.

– Что оказалось за дверью? – спросила Альбина.

– Станция метро. Старая, заброшенная, похожая на склеп. Большую ее часть укутывает тьма, в которой прячется жуткое существо. Еще там есть перрон, от которого отходит электричка.

– Вы сели в электричку, – произнесла Багаева, – она тронулась, а затем мы увидели, как исчезла электрическая активность головного мозга. Невероятно!

– Астральный путешественник, – вздохнула Савинская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.